

Дубман Э.Л.

Сказание о первых самарцах: Очерки по истории Самары 1586-1680-х годов. / Издательский центр "АртМакет" Самарского представительства СП "ИнфоЛада". - Самара. 1991. - 74 с.; ил. +4 карты. - (Серия "Люди Самарского края"; Кн.2).

Эта книга - первое в краеведческой литературе развернутое повествование о самом начале истории города Самары. Первый век существования пограничной крепости показан временем суровым и драматичным, полным не только кипения политических и военных страстей, но и каждодневных, будничных забот средневековых самарцев. Автор не делит своих героев на положительных и отрицательных, оставляя на суд читателя главный, по его мнению, конфликт XVIII столетия - борьбу за централизованное и стабильное государство Российское против воли народа освободиться от ненавистных властей и порядков.

Для всех, интересующихся историей родного края.

© Эдуард Дубман, 1991
© Издательский центр "АртМакет", 1991

Редактор и художник *Алексей Колесов*
Компьютерный набор *Ирина Хиль, Татьяна Сорокина*
Картография *Виктор Болотин, Инна Попкова, Алексей Колесов,*
Ирина Михайлова

Сдано в набор 20.05.91. Подписано в печать 26.08.91. Формат 60 х 90/16. Гарнитура Палатино. Печать офсетная. Тираж 20 000 экз. Цена 3 руб. 55 коп.
Издательский центр "АртМакет" Самарского представительства СП "ИнфоЛада".
443071 Самара, а/я 12165, тел. 33 92 77.
Отпечатано МП "Полиформ", 443010 Самара, ул. Бр.Коростелевых, 76. Заказ №58с
Самарское РПО „Союзбланкоиздат“

С о д е р ж а н и е

Список иллюстраций и карт

4

САМАРА ЗАЧИНАЕТСЯ

О князе Григории Засекине,
строителе крепости и первом воеводе самарском

5

Меж казачьей вольницей и ногайской ордой

12

Последний атаман Ермака Тимофеича

21

САМАРА-ГОРОДОК

На службе ратной осударевой

31

Городская власть

38

Промыслами и торговлишкой живучи...

44

БУНТАШНЫЙ ВЕК

Смутное времечко

51

Хлеб вам, соль, разинские работнички

58

Словарик

66

Примечания

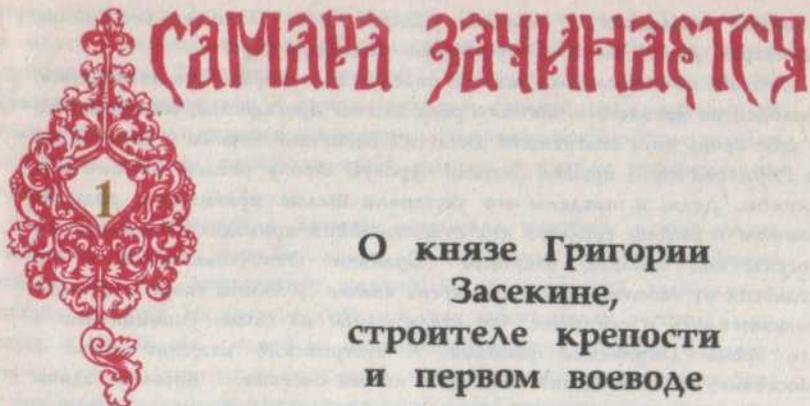
69

Источники и литература

73

- На обложке: Самара. Наиболее раннее изображение крепости из книги секретаря голштинского посольства Адама Олеария "Описание путешествия в Московию" издания 1655 года (Olearius Adam. Offt Beschreibung der Newen Orientalischen Reise, Schlesswig, 1656).
- На обороте обложки: Крепость Самара на карте Московии голландского картографа Гессела Герритса изд. 1613 г. Чертеж царевича Федора Годунова. Уменьшенный фрагмент (Tabula Russioe ex autographo quod delineandom curavit Feodor Illius Tzaris Boris desumta, 1613).
- С. 8 Река Самара на карте английского путешественника Антония Дженкинсона изд. 1562 г. (Russiae, Moscovitae et Tartariae descriptio Antonio Jenkinson Anglo edite London anno, 1562).
- С. 9 Карта-схема местности, где была построена крепость Самара. Современный рисунок. Реконструкция по Е.Ф.Гурьянову.
- С. 11 Закладка нового города московским воеводою. Рисунок 1691 г.
- С. 12 Постройка деревянной городской стены. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.
- С. 13 Плотищная работа на постройке церкви. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.
- С. 14 Карта Московского государства конца XVI в. Современный рисунок.
- С. 17 Татарин. Малоизвестный рисунок Альбрехта Дюрера начала 1500-х гг.
- С. 20 Типы доисских казаков. Со старинного рисунка.
- С. 22 Перенос лодки через волок. Гравюра из книги шведского ученого Олауса Магнуса "История северных народов" изд. 1555 г. (Magnus Olaus. Historia de derilibus septentrionalibus... 1555).
- С. 25 Фитильная пичаль XVI в. Фотография.
- С. 26 Возвращение Ермака из Сибири. Правая часть миниатюры из Кунгурской летописи. XVII в.
- С. 28 Суд в Московском государстве. Картина Сергея Иванова 1908 г.
- С. 28 Казнь подвешивание за ребро. Иностраный рисунок. Фрагмент.
- С. 33 План полевой фортификации Самары середины 1600-х гг. Реконструкция по Е.Ф.Гурьянову.
- С. 35 Приезд воеводы. Картина С.Иванова 1908 г.
- С. 37 Военный наряд русского воина. Рисунок из книги австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна "Записки о московитских делах" изд. 1549 г. (Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii, Viennae, 1549).
- С. 37 Русский конный воин. Рисунок из книги С.Герберштейна.
- С. 39 Площадной подъячий. Картина К.Лебедева.
- С. 41 Начало XIX главы "О посадских людях" Уложения 1649 г. Фотокопия.
- С. 42 Русские крестьяне. Гравюра из книги А.Олеария.
- С. 45 Карта торговых путей России XVII в. Юго-восточная часть. Современный рисунок.
- С. 47 Струг и паузок - русские гребные суда XVI-XVII вв.
- С. 47 Монеты Ивана Грозного и Федора Ивановича. Фотография.
- С. 49 Русский купец. Рисунок из книги С.Герберштейна.
- С. 53 Городской бунт. Рисунок из русской летописи XVII в.
- С. 55 Смута. Картина С.Иванова 1897 г.
- С. 58-59 Кремневое ружье и бердыш XVII в. Фотография.
- С. 61 Степан Разин. Английская гравюра XVII в. Фрагмент.
- С. 63 Страница "прелестной грамоты" Степана Разина. Фотокопия.
- С. 65 Стрелец. Рисунок С.Иванова 1898 г.

На 3-ей стороне обложки: Крепость Самара на карте Г.Герритса.

О князе Григории Засекине, строителе крепости и первом воеводе самарском

Майская, еще лдястая, еще льдисто-мутная, волжская вода хлюпала о пузатые борта *стругов**. К полудню солнце разогрелось по-летнему, и свободные от гребли стрельцы и работные люди разнежались, начали расстегивать кафтаны да *армяки*. С передового легкого стружка, где сидели дозорные, сонную одурь, охватившую всех, разорвал вскрик: "Подходите! Вороти влево!" На стругах и плотках всколыхнулись, зашумели, зыкнули начальственные голоса. Флотилия притормозила, медленно, тяжело заворачивая к берегу... На струге, выделявшемся нарядными, богатыми одеждами в нем сидевших людей, один - коренастый,

кряжистый, лет 40-50, привстал, медленно повел взглядом по незнакомому берегу. Человек этот наверняка привык, чтобы все окружающие слушали его беспрекословно. Григорий Осифович князь Засекин - так звали этого воеводу, государевым указом посланный строить новую крепость, по первым впечатлениям пытался понять, чего можно ожидать в этих опасных полупустынных местах между Волгой и Самарой, издавна известных как пристанище вольных волжских казаков да степных кочевников.

Воеводе и сидевшим рядом *сотникам* хорошо было видно, как замелькали по зелено-рыжему косогору стрелецкие шапки, сторожка и медленно расплзлись на подъеме фигурки служивых. Новые места всегда таили опасность - стрела, аркан, сабля подстерегали излишне ретивого, неопытного.

* Объяснение слов, выделенных курсивом здесь и далее, дано в Словарике в конце книги.

Сколько стрелецких и казачьих удамых голов легло на бескрайних просторах *Дикого поля*, на пустынных волжских берегах...

Засекин не понаслышке знал об опасностях, грозящих его экспедиции. Выходец из древнего и знатного рода князей Ярославских, соединившего в себе кровь двух знатнейших династий Восточной Европы - Чингизидов и Рюриковичей ¹, прошел Засекин суровую школу ратной пограничной службы. Деда и прадеда его растеряли былые привилегии, родовые *вотчины* и потому средства для существования приходилось добывать в государевых походах, воинским старанием. Отпочковавшиеся в XV столетии от основного родового древа князья Засекины скоро настолько размножились и обеднели, что стали одной из самых упоминаемых в это время дворянских фамилий. А австрийский *цесарский* посол в Московии, лично знавший некоторых князей Засекиных, писал об одном из них: он был настолько беден, что, собираясь в дорогу, взял займы платье и колпак ².

Не богаче был и родитель Григория Засекина, которому в новгородских землях, в Бежецкой *пятине*, принадлежало "...деревень живущих 2, да 8 деревень пусты, да пустошь, а дворов 3, а людей 5 человек, да 14 дворов пусты..." ³. Унаследовавшему эти "богатства" Григорию не оставалось иного выхода как вслед за братьями пойти на государеву службу.

Русские средневековые законы были жестки и просты. Едва тебе исполнилось пятнадцать лет - изволь явиться на смотр дворянских *новишков*, и если ты здоров и "разумен" - будешь записан в один из многочисленных полков. Трудной и тяжелой считалась государева служба на Руси. Из далекого XVI столетия уцелела до нашего времени запись одной из бесед, в которой сами русские, посмеиваясь над своим житем, говорили, что не дай бог не явиться по первому приказу на сборы ратных людей. Стоит только ослушаться - дождешься опалы, лишишься имущества, а то последует и более худшее наказание. Московские порядки, говорили они, не то, что литовские, где дворянин мог сослаться на болезнь жены, хромоту лошади, другие причины ⁴.

Так и начинались службы князя Григория Осифовича - сначала новик, затем рядовой воин в дворянском отряде. Личным удачам в военном деле, да еще древнему титулу обязан был молодой князь продвижению по служебной лестнице ⁵. В дворянских отрядах головой, то есть командиром примерно сотни воинов, мог стать только представитель княжеской фамилии и, по указу Ивана Грозного, дворянин, "искусный ратному делу".

Первые упоминания о князе Григории Засекине в государственных бумагах относятся к 1573-74 году, когда он был назначен "головой" в крепость Корелу, - центр русских владений в западном Приладожье, ныне

город Приозерск Ленинградской области. Здесь, в северной Прибалтике, в многочисленных стычках со шведскими отрядами обрел он опыт военачальника. Постепенно Григорий Осифович стал одним из тех русских военачальников и администраторов средней руки, которые из года в год меняли городки и крепости, в основном пограничные, ходили в походы, воевали, рисковали своей жизнью и жизнью вверенных им людей.

Службу в Приладожье Засекин перемежал участием в нескольких Ливонских походах, затем был направлен в "береговые" полки, охранявшие южные пределы Московского государства от нападений крымских и ногайских татар. На просторах *Дикого поля*, в Михайлове - одной из маленьких крепостей, Засекин поднялся на следующую ступеньку - получил должность первого воеводы, приобрел опыт самостоятельного управления гарнизоном крепости. Еще через год, в 1583 году, молодой воевода оказался в пограничном Алатыре ⁶. Там под его началом достраивалась одна из первых *засечных линий* на юго-востоке страны - Алатырская черта, рассылались *сторожи* и *станции* для охраны дальних подступов к новоприобретенным средневожским землям.

По всей видимости, энергичного и деловитого администратора заметили. В это время в крае бушевало так называемое "черемское восстание", в котором местные жители, в основном марийцы, не на жизнь, а на смерть сражались с навязываемыми им порядками. Москва, всерьез обеспокоенная размахом выступления, направляла в район восстания одну армию за другой. В одной из таких армий Григорий Осифович был определен вторым воеводой большого полка, то есть заместителем главнокомандующего, а еще через год, в 1585 году, он командовал тремя полками, посланными обеспечить устройство и "бережение" городка Санчурска ⁷.

Этот поход в воинской карьере князя оказался поворотным. Впервые ему было поручено командовать крупной армией, впервые под его руководством, хотя и опосредованным, строилась новая крепость. Засекин обжился в незнакомом крае, набирался опыта и знаний.

Такой предстает перед нами фигура этого дворянина перед назначением строить Самарский город. Архивные документы того времени не позволяют разглядеть черты характера, личность Григория Осифовича Засекина. Только скудная хронология его служб интересовала феодальное государство. Правда, одна маленькая деталь все-таки оживляет портрет князя. Еще в детстве получил Григорий прозвище "Зубок". Скорее всего, эта метка указывала на неправильный прикус зубов или, может быть, на малый рост юнши. Однако нет сомнений, что Засекин - военачальник был физически крепким, выносливым, смелым и рассудительным человеком. Об этом говорит весь его послужной список...

Река Самара на карте
А.Дженкинсона 1562 г.
под обозначением Samar fl.

напротив Винновского оврага. Возвышенность, где в настоящее время находится старый город, отстояла от волжского берега примерно на два километра и нависала крутым склоном к югу, ко второму, значительно меньшему, руслу реки Самары.

Обширная, покрытая лесами и озерами, наполовину заливаемая местность между двумя рукавами Самары была известна еще с четырнадцатого века как "Самарское урочище". Здесь в укромном, хорошо защищенном месте останавливались купеческие и посольские караваны,

...В эти тревожные минуты, когда казалось, что вот-вот из-за края возвышенности с оглушительным визгом выскочат ногайские всадники, вся предшествующая этому дню жизнь пронеслась перед мысленным взором князя. Но вот дозорные наконец-то забрались на самую вершину стрелки между Волгой и Самарой и оттуда замахали шапками и блеснувшими на солнце саблями. Берег был безопасен, пустынен, и Засекин после недолгого раздумья приказал приставать. Струги, не успев погасить скорость, уткнулись носами в песчаный береговой откос и люди, истомившиеся от долгого бездействия, с радостным шумом начали подтягивать их выше по песку.

К сожалению, сегодня ни один историк не может ответить на вопрос, где, в каком месте по отношению к нынешней Самаре остановилась флотилия? В XVI - первой половине XVII веков топография этого района была совершенно иной. Основное русло Волги пролегло примерно в двух километрах западнее чем сейчас, под современным селом Рождествено. Главное же русло реки Самары впадало в Волгу более чем двадцатью километрами восточнее,

Карта-схема местности,
где была построена крепость Самара

прятались казацкие ватаги, строили временные укрепления отряды воинских людей, то и дело посылаемые летовать на Волгу. В 60-80-х годах XVI века в Самарском урочище устроили постоянное зимовье: поселение с пристанью и небольшой охраной для зимовки судов, не успевших подняться до Казани или Тетюшей - основных тогда торговых пристаней на Средней Волге. По логике вещей, к этому зимовью и должна была подойти флотилия Засекина, чтобы в хорошо защищенном урочище "ставить город" ⁸.

Однако случилось по-иному. Самарский город построили на возвышенности над рекой Самарой, там, где она делилась на два русла, примерно в двух километрах от волжского берега. Крепость полностью перекрывала водный путь казакам с Яика по Самаре в Волгу, с ее башней хорошо просматривалась засамарская степь и Волга. Однако волжскую пристань и заставу пришлось устраивать далеко от крепостных стен. В середине XVII в., когда Волга внезапно изменила свое русло и "пришла" под город, вся гениальность безымянного проектировщика стала очевидна. Нам остается только гадать, кто же так хорошо смог разобраться в рельефе этой местности, предвидя события на полвека вперед?

Практика строительства пограничных городков в конце XVI века предполагала следующий порядок дел. После того как в высших государственных инстанциях принималось решение о необходимости сооружения крепости, в Разрядном приказе - центральном учреждении, ведавшем военными делами, начинали наводить справки о месте будущей постройки. Опрашивали знающих людей, а затем для осмотра,

составления плана и сметы, привязки типовых проектов, в те времена они уже существовали, посылали *подьячих* - проектировщиков, чертежников, сметчиков. Составленный ими проект утверждался в приказе и передавался для окончательного решения в Боярскую Думу.

Проектировщики, надо полагать, осмотрели "Самарское урочище" летом 1585 г.; осенью 1585 - зимой 1586 годов Григорий Осифович, будучи в Алатыре, должен был получить наказ о строительстве Самарского городка, о своем новом назначении. Кстати, сам Засекин как воевода и организатор обладал широкими полномочиями. В пределах отведенных ему по смете средств, материалов и рабочих людей, он имел право вносить коррективы в чертежи проектировщиков, менять привязки основных сооружений и даже, если считал необходимым, перенести место сооружения крепости.

Кто бы ни был гениальным прозорливцем - воевода Засекин или *подьячие*-проектировщики Разрядного приказа - место для строительства крепости Самары оказалось выбрано необычайно удачно. Не вызывает сомнения, что московские приказные люди назвали новую крепость по реке Самаре. В степной полосе Евразии этот гидроним получил широкое распространение. Достаточно назвать реку Самару в бассейне Днепра, реку Камыш-Самара - правый приток Урала, реку Самару в Казахстане, Камыш-Самарские озера и т.д. Скорее всего, все эти названия родились среди народов, говорящих на языках тюркской языковой семьи, но каким образом, остается загадкой.

Струги с плотами могли причалить либо под левым берегом на Волге, и тогда всю поклажу, бревна, пропитание и другой груз необходимо было тащить почти на два километра вверх по пологому склону, либо, что более вероятно, засекинская флотилия могла войти в русло реки Самары и встать под крутым косогором, прямо под стенами будущей крепости.

Остаток дня после высадки как обычно прошел суматошно. Начали разгружать струги, построили легкие шалаши для ночлега. К вечеру повсюду задымилась костры, и вовоприбывшая братия - стрельцы, *иноземцы*, *пушкари*, дворяне, рабочие люди и *горододельщики* - стала располагаться к ночлегу. Воевода распорядился выставить сильные караулы - опасность нападения была слишком серьезной, чтобы ей пренебрегать...

С рассветом лагерь пришел в движение. Воеводы и *горододельщики* начали детально сверять с чертежами местность. Пока Засекин со своими помощниками окончательно определял место строительства, мастера-*горододельщики* приступили к разметке участков под оборонительные и административные сооружения. Младшие служилые и рабочие люди разбирали плоты, вытаскивая на берег всю поклажу и раскладывая ее

Закладка нового города

в строго определенном порядке.

Городок заложили на следующий день. Вместе с караваном прибыли и попы еще непостроенной крепостной церкви. Перед началом работ, по знаку воеводы, священник отслужил молебен, освятил перед снявшей шапки толпой место закладки городка. Наконец церемония закончилась. Примолкнувшие ратные и рабочие люди по указаниям *горододельщиков* приступили к работе. На заранее размеченные участки тащили бревна, здесь же собирали из старых зимних заготовок *срубы*...⁹

Крепости, подобные Самарской, сооружались обычно за полтора-два месяца. Нередко в плоты (плотбища) подбирали пронумерованные бревна - полуфабрикаты, из которых очень быстро собирались срубы. На размеченных мастерами-*горододельщиками* участках прежде всего строился *детинец* - крепость, его стены и башни, внутренние постройки - *осадные дворы*, воеводская и *приказная изба*, *зеленные* и продовольственные амбары. Вокруг *детинца* нарезались участки под дворы служилых людей, обустривали которые сами хозяева. Одновременно с крепостью закладывалась соборная церковь, всегда являвшаяся центральным сооружением всего комплекса крепостных построек. Выбор духовного заступника считался не менее важным делом, чем сооружение самой крепости. В Самарском городке "учинили" строить храм Пресвятой и Живоначальной Троицы. Кого из святых выбрали покровителем жителей, неизвестно, хотя эта процедура была обязательной при закладке каждой крепости. Судя по более поздним документам, в покровители взяли

святого Алексея в честь выдающегося политического и религиозного деятеля Северо-Восточной Руси митрополита Алексея, который, по преданию, во время одной из своих поездок в Орду в середине 1350-х годов встретил в "Самарском урочище" некоего "пустынника".

Торопились плотники, торопились и князь Засекин со вторым воеводой Федором Елчаниновым. До них доходили слухи, что ногайские князья и мурзы недовольны появлением новой крепости и грозятся ее уничтожить. К началу июля 1586 года основные оборонительные сооружения крепости были отстроены, и о Самаре появились первые упоминания в делах Посольского приказа¹⁰. Строительство еще продолжалось, но значительную часть рабочих людей уже отпустили по домам, в крепости остался только гарнизон во главе с князем Григорием Осифовичем Засекиным.

Меж казачьей вольницей и ногайской ордой

Сравнительно недавно возникшее единое централизованное Русское государство в XVI столетии переживало трудную пору своего начального развития. Недавняя раздробленность напоминала о себе заговорами и боярским своеволием. Наследники Золотой Орды - правители Крымского и Казанского ханств,

Ногайской орды не забывали о тех временах, когда московские князья ездили к ним на поклоны, платили дань. Не было выхода к морю. Время Ивана Грозного, крупнейшего русского государственного деятеля XVI столетия, было отмечено не только глубокими реформами, но и массовыми репрессиями

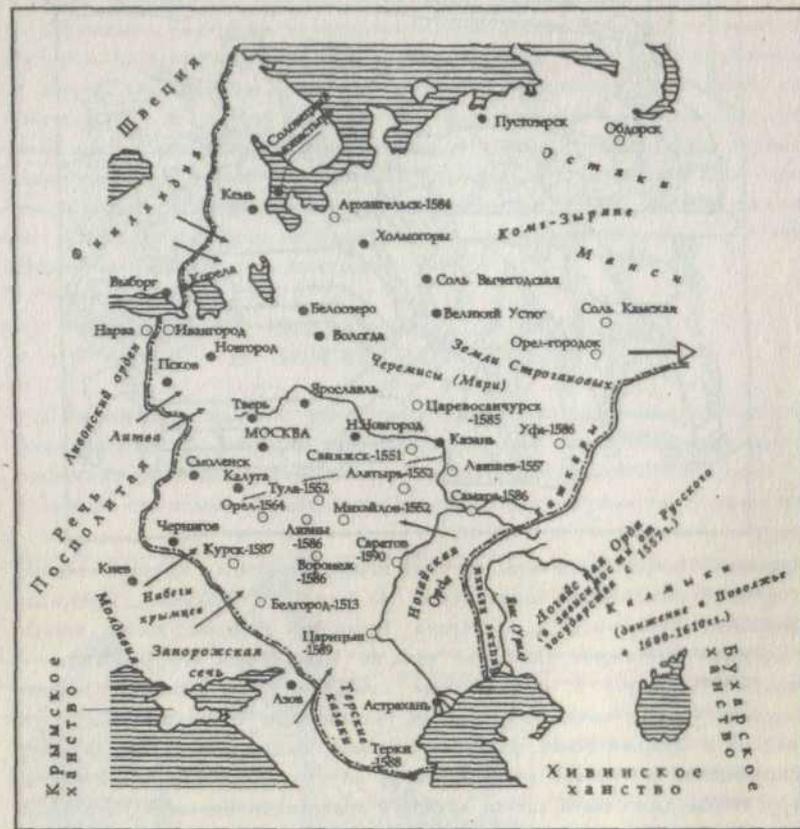

Постройка городской стены

Постройка церкви

опричнины. Напрягая все силы, русский народ боролся и с кочевой степью, и с многочисленными соперниками на западе - Польшей, Швецией, Ливонией. Завершить дело Ивана Грозного, твердой ногой встать в Среднем и Нижнем Поволжье удалось только при его преемнике - Федоре Ивановиче и фактическом правителе того времени Борисе Годунове. Сил не хватало, и возводя пограничные городки-крепости на Средней и Нижней Волге, московское правительство для их "бережения" использовало не только военную силу, но и тонкую дипломатическую игру. Необходимо было как-то доказать правителям Большой Ногайской Орды, истинным хозяевам заволжских степей, что русские крепости строятся для их же блага. Поэтому документы различных приказов, говоря по современному - ведомств или министерств, содержат казались бы противоречивые сведения о целях и задачах, поставленных перед первым самарским воеводой. В "Наказе" из Разрядного приказа указывалось "сидеть... в городе бесстрашно от ногайских татар"¹. В то же время русским послам в Орде предписывалось настоятельно убеждать князей и мурз, что Самарский город строится для их же блага, для защиты ногайских кочевий от нападения волжских казаков "...чтобы извести казаков с Волги и Яику"². И наконец, Григорию Осифовичу Засекину было велено уговаривать тех же самых вольных "воровских" казаков поступать на государеву службу³. Так в один тугой узел

- города и крепости, основанные во второй половине XVI века, через дефис указан год основания
- поход отряда Ермака Тимофеевича в Сибирь в 1581-1585 годах
- основные направления набегов и походов на Московское государство
- Засечная черта второй половины XVI века

связывались устремления трех противостоящих сил - русской администрации, ногаев, вольного казачества. На некоторое время новая крепость оказалась в эпицентре борьбы этих 3-х соперников, поэтому понять перипетии ее становления без краткого экскурса в историю ногаев и казачества невозможно.

В "Книге Большому Чертежу", первом систематическом описании России конца XVI столетия, говорилось, что "... от верху реки Бузувлука на полях и до синего моря (Каспийского - Э.Д.) кочевья все Больших нагаев" 4. Государство ногаев представляло собой один из осколков распавшейся Золотой Орды, возникнув в конце XIV - начале XV веков, окончательно оформившись в 1540-х годах. Ногайские кочевья раскинулись на огромной территории от Аральского моря до Волги и от Каспийского моря до лесов Башкирии. Основное население составляли потомки *кипчиков-половцев*, разделенные почти на два десятка самостоятельных орд - территориальных образований. Английский путешественник Дженкинсон, посетивший Ногайскую орду в 1577 г., писал: "Они распределялись на отдельные группы, называемые ордами. Каждая орда имеет особого правителя, называющегося мурзой, которому они повиновались, как своему королю. Каждый мурза имел около себя орду, как своих подданных, с их женами, детьми и скотом" 5.

Громадное по территории, значительное по населению - вся орда могла выставить сразу более двухсот тысяч воинов - это государственное образование было крайне аморфным, раздробленным, отсталым. Все важнейшие вопросы решались на съездах мурз. Во главе ногайского государства находился князь, однако власть его была весьма ограниченной. Мурзы, признавая князя "старшим братом", клялись слушаться, как говорилось, "дядена слова", но фактически в своих ордах выступали самостоятельными, независимыми от "центра" государями. Недаром ногайские князья так часто жаловались в Москву на самоволие своих мурз. Избираемые на съезде высшие правительственные "чиновники" - нурадины, кековаты, тайбуги, - также по сути не подчинялись ни друг другу, ни князю. То и дело вспыхивали междоусобные схватки за лучшие кочевья, за скот, мурзы со своими ордами время от времени уходили от князя за Волгу к крымцам или к кубанским ногаям.

Столицей орды являлся город Сарайчик (ныне не существует), находившийся в низовьях реки Яика (Урала). В нем не было постоянного населения или правительственных учреждений. "Город" состоял из кладбища и пурьмы. Из всех народов, входивших некогда в Золотую Орду, ногаи более других остались верны завету Чингиз-хана: "езде кочевать, нигде не сделаться оседлыми". На вопрос иноземцев, почему они не строят города, кочевники с гордостью отвечали: "Башню строит

15
 NOGAI
 1580

тот, кто труслив". Вся огромная степь делилась между ордами на отдельные кочевья, по которым они из года в год непрерывно совершали свой круговорот: зимой вслед за скотом откочевывали к югу, ближе к теплым берегам Каспийского и Аральского морей, а с наступлением весны перемещались на север к извилистой ленте Самары, к башкирским лесам и уральским предгорьям.

Быт, обычаи, культура, производительные силы ногаев, так называемых "черных людей", практически не менялись на протяжении многих веков. Скот - основное богатство кочевника - давал едва ли не все продукты и материалы, необходимые для повседневной кочевой жизни. Поэтому немало ногаев вообще никогда не пробовали хлеба, а в самых глухих, дальних кочевьях даже и не слышали об основной еде "урусов" - русских. Только знать имела право пользоваться предметами роскоши, обменными у иноземцев на скот или добытыми силой в боевых походах.

Несмотря на свою многочисленность, Ногайская орда во второй половине 1500-х годов не являлась столь опасным соседом Москвы, как, например, Крымское ханство - южный осколок Золотой Орды. Лихие мурзы еще отваживались на молниеносные набеги в русские пределы, но ни разу на разбойный сабантуй не смогла собраться вся большая Орда. И когда русские армии Ивана Грозного захватили сначала Казанское, а затем и Астраханское ханства, среди ногайской знати после споров и борьбы утвердилось мнение подчиниться новому более сильному соседу, признать московского царя "государем" ⁶.

Взгляды на взаимоотношения с Москвой у ногайских мурз и князей менялись в зависимости от складывавшейся ситуации. В середине 1500-х годов единое государство ногаев переживало острейший кризис, раздробившись на Казыев улус, или Кубанскую Орду (Северное Причерноморье), Алтыулский улус (восточнее Яика) и Большую Ногайскую орду (Степное Заволжье). В орде воцарился голод, мурзы разбегались куда глаза глядят от своего князя. Именно в эти годы отношения между Россией и Ногайской, а позднее Большой Ногайской Ордой можно назвать спокойными. Нурадин Изманл, ставший князем, в своих посланиях к Ивану IV выказывал полнейшую покорность и от былого обращения "старший брат" перешел к титулу "государь". Мало того, стремясь остановить "разбегание" своих подданных, он настоятельно просил Москву поставить города-крепости на "перелазгах" - Переволоке (место наибольшего сближения Дона и Волги), в устьях Иргиза и Самары. В Орду ежегодно шел поток русских подарков, а из Орды - табуны первоклассных лошадей и прочего скота, посылались воинские отряды на государеву службу.

В 1570 - начале 1580-х годов, когда основные силы русской армии

прочно увязли в кровопролитных сражениях Ливонской войны в Прибалтике, ногайская знать во главе с новым князем Урусом повела себя более независимо. Внутреннее положение в Орде несколько стабилизировалось, и скорее всего, с ведома самого Уруса отдельные орды начали все чаще нападать на русские окраины, участвовали в совместных крымско-ногайских набегах. Князь и мурзы "невежливо" обходились с русскими послами, требовали от Москвы все новых и новых подарков, практически откупа.

Московское же правительство предписывало руководителям посольств, воеводам Казани и Астрахани "увещевать" непослушных мурз, ограничивать торговлю и посылали подарков "ослушникам". И все же даже в эти трудные годы у московских приказов имелось испытанное и практически безотказное средство для обуздания воинственного пыла ногаев - вольные казачество.

В первой половине 1500-х годов на огромных пространствах восточно-европейской лесостепи, на своеобразной ничейной полосе между феодальной Русью и кочевой Дикой степью складывается обширная область, контролируемая вольными казацкими ватагами. О составе этих ватаг точно сказано подьячими Посольского приказа: "...на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и

КАЗАКИ

наших украин казаки, с ними, смешавшись, ходят" ⁷. И все же основным источником пополнения "баловней" свободы были беглые русские люди - крестьяне и *посадские*. Они уходили от гнета московских порядков из обжитых уездов страны - Владимирского, Нижегородского и др., но полностью не смогли прервать связи с родиной. Поэтому, несмотря на своевольничанье и самоуправство, казаки все-таки сотрудничали с пограничными воеводами и московскими посланниками, прижимались к дальним городкам-крепостям и за вольную службу, оказание воинских услуг получали из далекой Руси хлеб, оружие и *зелье*.

казаки

В конце XVI века, во времена Ивана Грозного и Бориса Годунова, еще не возникло обособленных казачьих областей. На всем протяжении от границ с Речью Посполитой на западе и до реки Яика на востоке из одной речной системы в другую по *волокам* совершался круговорот вольных бесшабашных ватаг. Поэтому-то так легко на Волге или на Яике можно было увидеть и черкас-украинцев, и донцов - выходцев с Дона, и гребенских - с реки Терека - казаков.

На степных просторах соперничать с наездниками от рождения - крымскими татарами и ногаями было чистейшим безумием и поэтому казак того времени - прежде всего человек реки, в совершенстве освоивший искусство управлять *чайкой, струюм, челном, ушкуем*. Без семьи, двора, хозяйства вольные люди были предельно подвижны, мобильны, свободны от неизбежных привязанностей крестьянина или посадского человека к своему очагу.

казаки

Самарское урочище, рядом с которым позднее был заложен Григорием Засекиным городок, являлось одной из центральных перевалочных баз неугомонной вольницы. Казачьих атаманов, даже в более поздние времена - до начала XIX века, манила к себе раздольная матушка-Волга с ее несметными рыбными богатствами, частыми и тяжело груженными купеческими и посольскими караванами, укромными, потайными местами. Здесь было чем поживиться, пограбить неудачливых купчин, повеселиться во всю буйную мочь на просторе, чтобы потом, спасаясь от возмездия московских ратей, по волокам юркнуть ящерицей на Дон или через Иргиз и Самару на Яик. Для "*воровства*" манила волжская ширь, и недаром в своих песнях казаки пели: "На Волге быть - ворами слыть". Обеспокоенное жалобами посольств и купцов московское правительство не раз направляло крупные силы, чтобы очистить Волжский торговый путь от разбойников, но до тех пор пока между Казанью и Астраханью не были выстроены многочисленные сторожевые городки - Самара, Царицын, Саратов, Черный Яр, Симбирск и прочие, - польза от этих экспедиций была невелика.

Ураль

Симбирск

"Волжские разбой" особенно участились в 1570-80 годах. Документы этого времени изобилуют сведениями о грабежах купеческих и посольских

Эпоха

караванов. Ногайские мурзы из года в год жалуются правительству на бесчинства казачьих ватаг, просят Москву прогнать их с Волги, грозятся откочевать на восток, в приаральские степи.

Не только на Волге, Дону или Яике, но и в Москве были хорошо известны имена волжских казачьих атаманов - Ивана Васильевича Кольцо, Богдана Барбоши, Матвея Мещеряка, Саввы Болдыря, Никиты Пана и других. Опытные, закаленные в опасностях предводители не раз участвовали в набегах на кочевья ногаев, громили для устрашения столицу Большой Орды - Сарайчик. Не отказывались они и от богатой государевой и купеческой судовой *рухляди*. Зона их действий простиралась на Волгу, Дон и Яик, но в большинстве источников тех лет имена казачьих атаманов связаны прежде всего с своеобразным кольцом по рекам Волге, Иргизу, Яику и Самаре, с Самарским урочищем и перелазами через Волгу под Сосновым островом (рядом с современным городом Хвалынском Саратовской области).

разбой

Эпоха

казаки

В трудные годы Ливонской войны (1558-1583) Москва подкармливала казаков, использовала их для усмирения строптивых ногаев ⁸. Вместе с тем, не желая окончательно портить отношения со злопамятным восточным соседом, Боярская Дума через посольных наказывала атаманам "на улусы не приходить" ⁹. Однако бесшабашные атаманы раз за разом престоупали границы, очерченные им дипломатами московских приказов. В таких случаях у Москвы наготове была отговорка о том, что служилые казаки "на Сарайчик не хаживали, а воровать на Сарайчик приходили беглые казаки" ¹⁰, то есть те, с которыми центральное правительство не имело никаких связей. При сильном нажиме разгневанных грабежами ногаев московские власти не останавливались и перед тем, чтобы устроить показательную расправу со своими своевольными подручными, ослушниками боярского приказа. Устраивались карательные походы, казачьих атаманов казнили перед ногайскими послами. Так было летом 1581 года, когда Иван Кольцо и Богдан Барбоша в сговоре с другими атаманами перевозили русских и ногайцев послов, а также большой купеческий караван на правую сторону Волги на "перелазе", рядом с Сосновым островом. Обманом разделив ногаев, казаки ограбили их и почти всех перебили. Напрасно глава русской посольской миссии В. Пелепелицын умолял волжских атаманов прекратить лобонье. Кольцо и Барбоша отвечали, что дескать "урусов посол жив" с тремя десятками его тозарищей, а о прочих нечего и беспокоиться. Зная, что за содеянное их ждет царская опала, казаки через несколько дней на том же самом месте подстерегли ногайский отряд в 600 человек, возвращавшийся после грабежа Алатырских и Темниковских окраин и едва ли не весь истребили. Но и этот поступок не защитил от гнева государева. Посланных в Москву с пленными ногаями казаков казнили в присутствии так много

1581

казаки

→ Котляков Волжские разбой от Кольцов

Типы казаков

претерпевших от них ногайских послов, а казачьих атаманов, и прежде всего Ивана Кольцо и Богдана Барбошу, бояре приговорили поймать и предать смерти.

На несколько лет волжско-яицкое казачество как бы притихло, затаилось. Однако начиная с 1585 года ногайские мурзы все чаще жаждутся Москве на новые нападения. Да и по Волге отдельные суда шли с большой опаской, украдкой старались миновать разбойные самарское и иргизское устья, Переволоки, крупные же караваны всегда сопровождалась усиленной охраной. И все же былая свобода, "казачий беспредел" на волжских просторах доживал последние денечки. Весной 1586 года заложили Самарский городок, через три года Григорий Осифович Засекин поставил Царицын, а еще через год - Саратов. Уже весной-летом 1586 года Богдан Барбоша и вернувшийся к нему из Сибири Матвей Мещеряк поняли, что на Волгу можно теперь приходиться только украдкой, воровски. В поисках новой постоянной базы взамен Самарского урочища и Соснового острова они обратились к удобному месту на Яике, в устье реки Илек. Здесь, на острове Кош-Яик, в отличии от прежних зимовий-временок, около 700 человек в течении лета построили надежные землянки и деревянные укрепления, прочные дома и землянки, стойла для лошадей. "Город крепок, - сообщали сами казаки, - взяти им (нога-ям - Э.Д.) города нельзя" 11.

Возведение Яицкого городка (не сохранившегося до наших дней)

Дмитрий Шуровок
коренным образом изменило ситуацию в Приуралье. Крепость ставилась в глубине враждебной территории, без тыла. Обороняющиеся знали, что иного выхода после сдачи городка, кроме верной гибели, у них нет. Ногайская знать поняла, что отныне хозяевами степей становятся казаки. Как в Сибири, так и в ногайской степи князь и мурзы со всей силой обрушились на ненавистных пришельцев. Борьба шла не на жизнь, а на смерть и неизвестно еще где - в Сибири или на Яике - силы нападавших были значительней.

Первые нападения на Кош-Яицкий городок случились уже летом 1586 г., а в начале осени к крепости подступил в окружении многочисленного войска сам Урус. К сражению с укрепившимися казаками ногаи подготовились всерьез: привезли с собой много дерева и приступили "к городку с приметом, а хотели, приметав лес, городок зажег: да тут же де было нагай двести человек с рушницами..." 12. Длительная осада притупила бдительность кочевников, и казаки во время внезапной дерзкой вылазки смогли разгромить отряд, вооруженный огнестрельным оружием, и захватить все "рушницы". Воодушевленные этой победой казаки отчаянно бросились на основные силы противника. Сильный дождь не позволил опешившим ногаям быстро уйти из-под крепости и, по словам очевидцев, казаки "пришли на них тиском и... побили..." 13

Так оказалась выиграна решающая битва за степь, после которой Большая Ногайская Орда уже не сумела оправиться. "Поражение Уруса на Яике имело такое же значение для судеб Южного Приуралья, как разгром Кучума для судеб Западной Сибири" 14. Казачество смогло полноправно утвердиться на Яике и уже в XVI веке заложило основу для становления будущего Уральского казачьего войска. Память о легендарных атаманах волжской вольницы осталась в истории Самары. В XVII веке рядом с острогом находилась Болдырская слобода, названная так по имени одного из предводителей казачества. Сегодняшняя поляна имени Фрунзе ранее именовалась Барбашиной. Видимо, еще до основания крепости на ней стоял стан самого Богдана Барбоши.

Последний атаман Ермака Тимофеича

С окрестностями Самары, "Самарским урочищем" связаны имена многих волжских атаманов. Здесь не однажды собирались казачьи ватаги, решались коренные вопросы для всей волжско-уральской вольницы. Может быть, у устья Самары Иван Кольцо с друзьями в последний раз взвесили все выгоды ухода на далекую Каму к Строгановым. Это всего лишь предположение, гипотеза. Но то, что многие из сподвижников Ермака Тимофеевича, вернувшиеся из Сибири вместе с последним

великим атаманом Матвеем Мещеряком, поневоле оказались одними из главных действующих лиц в истории только что построенного Самарского города, гораздо ближе к исторической истине. Свидетельства документов о ситуации, в которой оказались герои "Сибирского взятия" и самарская администрация, тем более важны для нас, что в них упоминаются имена и прозвища, угадываются некоторые черты биографии волжских атаманов и казаков. Царские посланники, подъячии, переписчики много бы дали за то, чтобы узнать, откуда пришли вольные люди на Тихий Дон, степной Яик, раздольную Волгу? Не единожды подступали они к казачьим атаманам с требованиями разрешить перепись казаков, выдать беглых, но всякий раз наталкивались на решительный отказ.

Казачество свято хранило свои тайны. Только самым надежным сотоварищам по опасным походам мог довериться казак - рассказать за чаркой у ночного костра о своей былой жизни, о родной деревне, давно покинутых близких. Эти редкие казачьи откровения с глазу на глаз канули в небытие вместе с рассказчиками и слушателями, и нам остается только гадать о родословных знаменитых волжских атаманов. Во второй половине 1600-1700-х годах, когда казаки прочно осели на землю, начали заводить свое хозяйство, все стало гораздо проще. Известно, в какой семье родился Степан Разин, чем прославился его отец, как погиб его старший брат Иван, знаком жизненный путь младшего брата Фрола. Много известно о Емельяне Пугачеве, Кондратии Булавине.

Но кто расскажет о крупнейшей личности русского средневековья - Ермаке Тимофеевиче, "покорителе Сибири", о его удачных атаманах - Иване Кольце, Богдане Брязге, Матвее Мещеряке и многих других?

Ученые до сих пор спорят, кто же был родом знаменитый Ермак? ¹ Загадка Ермака Тимофеевича еще долго будет волновать исследователей. Для ее однозначного решения слишком мало достоверных сведений. Однако еще меньше оснований для восстановления родословной других волжских атаманов - Ивана Кольцо, Никиты Пана, Саввы Болдыря и других. Стремительно ворвавшись в русскую средневековую историю, в отписки посольств, в приказные дела и царские грамоты, эти люди не оставили после себя никаких сведений. У них даже под старость не оказалось ни постоянного пристанища, ни семьи. Да и редко кто доживал до преклонных лет. Татарская сабля или стрела, а то и виселица в русском пограничном городке обрывали путь бесстрашных атаманов.

Одной из таких колоритных и почти неизвестных личностей выступает Матвей, в некоторых документах Матюша, Мещеряк - верный сподвижник Ермака Тимофеевича и Ивана Кольцо, один из главных героев казачьего завоевания Сибири. Начало и конец его служебной карьеры неразрывно оказались связанными с "Самарским урочищем" и Самарской крепостью.

Судя по прозвищу, Матвей был выходцем из мещерских мест, болотистой, залесенной низменной земли между Рязанью и Владимиром, исконно русских территорий. В XVI столетии русские люди еще не имели официально употребляемых фамилий. В переписных и писцовых книгах обычно указывалось "Семенка Измайлов сын...", а затем, для большего отличия, приводилось прозвище, производное от местности, владельца, резко выраженной черты облика, характера и т.п. В казачьей среде на прозвище обращалось особое внимание. Матвей Мещеряк ушел в казачью станицу сравнительно молодым. Среди своих товарищей он смог отличаться не только силой и храбростью, но и воинским разумением, рассудительностью. По всей видимости, Матвей был неплохим учеником своих старших товарищей - Ивана Кольцо, Богдана Барбоши, Ермака Тимофеевича: до тонкостей овладел искусством внезапных набегов и воинских хитростей, учиться которому приходилось в постоянных столкновениях с таким грозным противником, каким была в то время Большая Ногайская Орда.

Год 1581-й оказался чересчур удачливым на лихие казачьи предприятия в Диком Поле и на Волге. Правительство страны, не в шутку обеспокоенное постоянными жалобами ногайских мурз и князей на волжский разбей, в том числе у переправы на Сосновом острове, решило наконец-то предпринять крутые меры против своих беспокойных союзников. Платные рати, посланные из Казани, должны были очистить от "воров" Волжский торговый путь и прилегающие к нему реки. Ивана Кольцо и Богдана Барбошу заочно приговорили к смертной казни. Такая же участь ожидала и другие неугомонные атаманские головы. В ответ волжская волиница решила на время затаяться, уйти подальше от

протоптаных дорог царских отрядов.

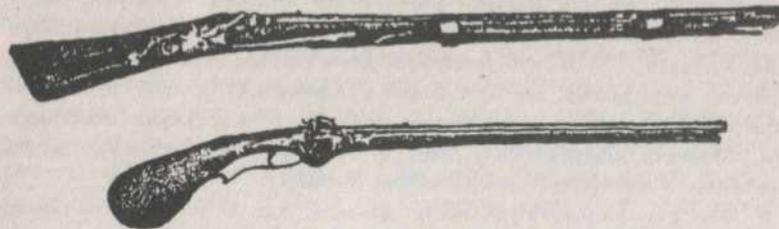
Так и Матвей Мещеряк вместе с казаками своей станицы оказался на распутье - то ли уйти с Богданом Барбошей на Яик, то ли присоединиться к Ивану Кольцу в его походе в далекие закамские земли, во владения богатейших солепромышленников Строгановых. Выбрана была вторая дорожка. Дальнейшие события повлекли Матвея в подготовку исторического сибирского похода и в сам поход. Надо полагать, Строгановы сами зазвали волжских и яицких казаков для защиты своих обширных земель от Камы до Урала. Но управиться с буйными помощниками, подчинить их себе солепромышленникам оказалось не под силу. В Кунгурской летописи описан красочный эпизод беседы с казаками Ивана Кольцо одного из братьев Строгановых, который согласился выдать казакам хлеб, но не иначе как взаими, "прося у них кабалы". Вольным людям в диковину был такой торг, и они едва не растерзали промышленника. "Возьмем ты и ростреляем по клоку", - пообещал в ответ Иван Кольцо, после чего перепуганный Строганов забрал свое условие обратно ².

Матвей Мещеряк счастливо смог перенести небывалые трудности "Сибирского взятия" ³. Скупые строки летописей и отписок свидетельствуют о героических подвигах волжского атамана, участвовавшего во всех крупных сражениях с войсками Кучума.

Так, в трудную весну 1585 года столицу казачьего "царства" Кашлык со всех сторон обложили татарские отряды главного визиря Кучума - Карачи. Силы осажденных, и без того немногочисленные, таяли, местные князьки прекратили подвоз продовольствия, начался голод. Иван Кольцо, Никита Пан, Богдан Брязга к этому времени уже погибли, ближайшим сподвижником Ермака Тимофеевича становится Матвей Мещеряк. Ему-то и поручает атаман безумно смелую операцию. Ночью, воспользовавшись плохой погодой, Матвей с несколькими десятками казаков пробрался через татарские станы к шатру Карачи, разбитому в нескольких километрах от Кашлыка и напал на застигнутую врасплох охрану. Сам Карача с двумя слугами спасся, но в яростном ночном бою были перебиты двое его сыновей и вся охрана. Смелчаки шли на смертельный риск. Опомившиеся татарские воины со всех сторон обложили казаков. Только меткая стрельба спасла их от нескольких приступов. Видимо, с тыла, из Кашлыка, на выручку отряду Мещеряка поспешили основные силы, вынудившие татар спешно уйти ⁴.

В ночь с 5 на 6 августа 1585 года в одном из дальних походов погибает Ермак. Казаки остались без вожака. К тому времени из пятисот воинов, начавших поход вместе с Ермаком Тимофеевичем, в живых осталось не более сотни. Израненные, преодолевшие невероятные лишения казаки избирают нового главного атамана. Им становится Матвей Мещеряк. Что

Фитильная пицаль

должен был он предпринять? Сил для удержания края не оставалось. Все посланные на подмогу отряды царских войск погибли или повернули назад. Мещеряк не знал, что вот-вот из-за "Камня", как называли тогда Уральские горы, должны подойти свежие силы, вот-вот начнется новая волна покорения Сибири. Да, по-видимому, не было у него и той силы духа, воли и выдержки, того фанатизма, которыми обладал Ермак. В конце лета - начале осени 1585 года волжские казаки вынуждены уйти из Сибири. Так закончилось "Сибирское взятие", и главным действующим лицом финала выступил волжский атаман Матвей Мещеряк.

Но вот здесь-то и начинается самое загадочное в судьбе этого незаурядного человека. Он как-бы раздваивается, присутствуя одновременно и на Средней Волге, и вновь в Сибири. Из многочисленных "Сибирских летописей" только в одной, к тому же не самой близкой к описываемым событиям, приводятся сведения о том, что Матвей Мещеряк вновь вернулся со своими казаками и с отрядом стрельцов в Сибирь. Это случилось в 1586 году, а в 1587 году, повествует летопись, "великий атаман" Матвей Мещеряк погиб в Тобольске, во время стычки с охраной Сеид-хана ⁵. В 1620-х годах, по инициативе тобольского митрополита Киприана, был составлен "Синодик погибшим казакам", то есть "Поминальник" ⁶, в него со слов уцелевших героев "Сибирского взятия" были внесены имена наиболее известных атаманов и казаков, павших на полях сражений. Как ни удивительно, упоминания Мещеряка в нем нет. Забыть его участники походов не могли, это исключено. Остается предположить, что, как и во многих подобных случаях, факты, сообщаемые летописью, недостоверны, легендарны. В пользу этого предположения свидетельствуют данные о появлении Матвея Мещеряка осенью 1585 года на Средней Волге. Вряд ли в эти годы могли одновременно действовать два волжских атамана с одинаковым именем и прозвищем. Скорее всего, после изнурительных сибирских походов Мещеряк со своими людьми возвратился к своим бывшим сотоварищам,

на Яик и Волгу.

Появившись в заволжских степях, Мещеряк сразу же начал "доказывать", что ему издавна знакома эта местность. Недаром уже в 1585 г. ногаи жаловались, что "Матюша Мещеряк" отогнал у них табун в 500 лошадей ⁷. Было что рассказать двум старым знакомым - Богдану Барбоше, прошедшему все эти годы в заволжских степях, и Матвеем Мещеряку, пережившему сибирские лишения. Между двумя атаманами был заключен своеобразный союз, в котором Мещеряк занял место погибшего в сибирском походе Ивана Кольцо.

В 1586 году волжско-уральских казаков ждали новые испытания. Строительство Самарской крепости заставило их отойти на Яик, устроить там, как уже говорилось, постоянный городок. Вновь мужество и умение Мещеряка было испытано в неравной схватке с ногайскими кочевниками. В тяжелых сражениях Барбоша и Мещеряк были вместе, опасности не разлучили их. Однако осенью, когда казаков начали звать на царскую службу, дороги двух атаманов вновь разошлись. Для Богдана никакой замены вольной, хотя и полной опасностей жизни не было. Вероятно, он всем нутром не доверял посулам московских воевод. Матвей Мещеряк уже достаточно послужил царю, вместе с государевыми стрельцами не раз испытывал лишения и опасности в Сибири, ему новая служба показалась весьма заманчивой.

Барбоша с большинством казаков остался в городке на Яике, а на Самару, как доносил 23 октября 1586 года воевода Григорий Осифович

Засекин, пришли "...с Яика Матюшка Мещеряк, да Ермак Петров, да Ортеха Болдырев, да Тихон Пи-...шь ⁸, а с ними казаков 150 человек..." ⁹ Все

Миниатора из Кунгурской летописи называется "Возвращение Ермака из Сибири", однако фактически здесь изображено возвращение остатков войска Ермака во главе с новым атаманом Матюшей Мещеряком

они готовились отправиться в Астрахань, где собирався Москвой большой поход на Крым.

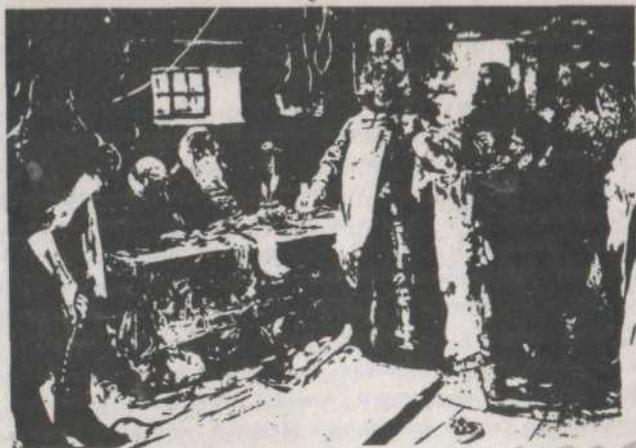
Казацкие станицы должны были уйти из Самарского городка 28 октября, но этому помешали непредвиденные обстоятельства.

В это время в Самаре отдыхали два посольства: русское, отправлявшееся к князю и мурзам Большой Ногайской Орды, и ногайское, возвращавшееся из Москвы в родную степь. Московскому правительству в это время во что бы то ни стало требовалось доказать властителям Орды, что Самара и Уфа построены для их же блага - для защиты ногайских кочевий от воровских казаков. С этой целью Засекину было предписано отобрать у стоявших в Самаре казаков все награбленное ими ногайское имущество. Показательная экспроприация произошла на виду у ногайских послов, что было вдвойне позорно. Казацкие атаманы просто опешили от такого непредвиденного поворота событий: пригласив на ратную помощь, прилюдно опозорить перед басурманами. Тем более, что Матвей Мещеряк прекрасно сознавал свои заслуги перед Россией, да и казаки не забыли, по чьему наущению они воевали с ногаями: "... царь... нарочком послал [с] нагаи воевати" ¹⁰. И это была истинная правда ¹¹.

Таким образом, задержанные в Самаре казаки внезапно оказались жертвами двуличной политики центрального правительства. Поначалу они посчитали случившееся розыгрышем. В присутствии русских послов Матвей Мещеряк и его казаки начали "придуриваться" перед жалобщиками-ногаями, "всякие непригожие дела говорить... как жен их соромотили", за возврат захваченного полона потребовали "немеренные деньги" и в конце концов попытались ногаев попросту ограбить.

В незавидном положении оказался и князь Засекин. Он должен был до конца довести свою роль справедливого судьи перед ногаями, но в то же время опасался пережить и довести дело до открытого столкновения с казачьим отрядом. Все же Самарскому воеводе удалось неведомо какой хитростью разделить казаков: почти всех отправили на службу в Астрахань, а пятерых "пущих заводчиков", включая Матвея Мещеряка, посадили в местный острог. Засекин мог и не предполагать, что им задержан "великий атаман" Сибирского казачества. В "распросе", который, как водилось, часто сопровождался жестокими пытками, Мещеряк наверняка объявил местным властям о своих заслугах. Это обстоятельство еще более осложнило задачу князя, поскольку надолго оставлять тюремных "сидельцев" в Самаре было небезопасно. По осенней распутице послали срочно гонца в Москву с донесением и запросом.

Между тем деятельный и предприимчивый Матвей Мещеряк с товарищами не терял даром времени. Он смог убедить охрану, которая состояла в основном из "литвы", в преимуществах вольной от бар и

Казнь подвешиванием
за ребро

начальников казачьей жизни. Постепенно возник заговор. Правда, заговорщики не смогли привлечь на свою сторону большинство самарского гарнизона и поэтому зимой 1587 года разослали грамоты в ближайшие станицы с призывом прийти на помощь.

Однако среди посвященных выискался предатель. Тайный заговор раскрыли, а примкнувшую было литву бросили в тюремный острог к мятежным атаманам. Не все выдержали тяжкие пытки - в "роспросе" казаки и иноземцы вынуждены были сознаться в наличии хорошо продуманного плана захвата Самары. Для этого тайно из городка были посланы "вести" к казачьим станицам, зимовавшим на Янке, Волге и в "Увеке" - старинном татарском городище (близ современного Саратова). Отряды вольницы должны были подойти к крепости в начале весны или, по крайней мере, когда начнется сход льда. Тогда в городке предполагалось поднять восстание.

Помимо освобождения тюремных "сидельцев" намечалось "воеводу и всех людей побить и город пожечь" ¹².

Узнав доподлинно о намерениях заговорщиков, воевода Засекин предпринял дополнительные меры безопасности - усилил караулы, лично проверил благонадежность гарнизона, возможно, послал новых людей с донесением в Москву.

Так Матюша Мещеряк проиграл свою последнюю схватку. В вечном для вольного казачества споре - идти ли на службу к московским боярам или предпочесть свободу - победу одержал несговорчивый и упрямый Богдан Барбоша, никогда, ни при каких обстоятельствах не доверявший посулам Москвы.

Приказные люди в столице недолго разбирались с полученным из Самары известием. Для них заслуги какого-то Матюшки немного стоили перед возможностью замирить ногаев.

С боярским сыном Постником Косяговским к Засекину из Москвы прибыл указ: "Государь Федор Иванович Матюшу Мещеряка,

да Тимоху Пи-ша, да иных их товарищей пущих велел

казнить перед ними послы смертною казнию" ¹³. Так

ранним мартовским утром 1587 года в Самарском городке была совершена первая (?) публичная казнь. На площади

в детище спешно поставили виселицы, казнив

вместе с друзьями одного из героев

"Сибирского взятия" волжского атамана

Матюшу Мещеряка. Ни сабля, ни стрела,

ни аркан, ни пуля не брали молодца,

стубила же его чрезмерная

вера в милость и память

царскую да

боярскую.

САМАРА-ГОРОДОК

На службе ратной осударевой

Н

овая волжская крепость, отстроенная к осени 1586 года, вошла в документы конца XVI - XVII столетий под названиями "Самара", "Самарский город" или попросту "Самарский". Официальный же статус города Самара получила только по царскому указу 1688 года. Современному человеку трудно признать в пограничной крепости, какой Самара оставалась в общем-то и после 1688 г., облик настоящего города с преобладающим городским, по-тогдашнему посадским, населением, с развитой, хотя и мелкой, промышленностью, городскими службами. Всего этого еще не было.

Самара оставалась типичной пограничной крепостью, где служилых, военных и чиновных людей было гораздо больше,

нежели посадских, а вся "промышленность" сводилась к обслуживанию скромных нужд местного населения или была связана с транспортно-торговым транзитом по Волге.

В средневековой России само понятие города являлось многозначным. Под ним разумели и крепость, или "детинец", "кремль", и населенный пункт, рядом с которым вырастал мало-мальски значимый посад, и административный центр сельскохозяйственной округи - уезда.

Самара начала постепенно обустраиваться и разрастаться, чтобы в 1688 году стать городом во всех этих смыслах, но военное, погранично-сторожевое значение ее сохранялось главенствующим. Соответственно и население городка оставалось преимущественно военным, совмещавшим государеву службу с повседневными житейскими хозяйственными

хлопотами.

Как и в других окраинных крепостях, главным действующим лицом в Самаре выступал воевода. Правительство зорко следило, чтобы воеводы не задерживались на одном месте более одного-двух лет, постоянно переводило их из "города" в "город". Дело в том, что русские дворяне сами искали воеводской должности, связывая с ней возможность обогатиться, поправить свое имущественное положение. В челобитных, направляемых на имя царя, то и дело мелькали выражения типа "позволь подкормиться, оскудал яз, холопишко твой, на государевой службе". В "выгодные" города, а к ним отчасти относилась и Самара, место воеводы было конкурсным, на него стремились попасть сразу несколько претендентов ¹.

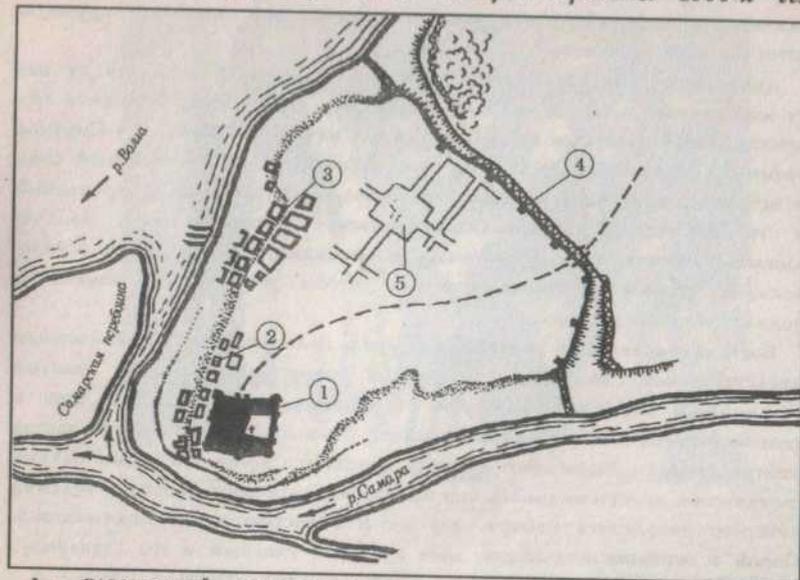
Выдающийся знаток русской истории Сергей Михайлович Соловьев оставил красочную зарисовку хлопот дворянской семьи, узнавшей, что ее глава назначен воеводой:

"Рад дворянин собираться в город на воеводство - и честь большая, и корм сытый. Радуется жена: ей тоже дадут приносы; радуются дети и племянники: после батюшки и матушки, дядюшки и тетушки, земский староста на праздниках зайдет и к ним с поклоном; радуется вся дворян - ключники, подклетные - будут сыты; прыгают малые ребята - и их не забудут; пуще прежнего, от радости несет вздорные речи юродивый, живущий во дворе: ему тоже будут подачки. Все поднимается, едет на верную добычу" ².

Вряд ли, конечно, воеводы довольствовались "приносом". Пользуясь безраздельной властью, они обирали своих подданных, как только могли. Особенно прославились лихоимством сибирские воеводы. Но и аппетиты поволжских не намного им уступали ³. Посадские и "небольшие" служилые люди не раз жаловались на злоупотребления своего начальства. Например, по делу бывшего самарского воеводы Андрея Мисоедова (1656-58) в связи с жалобами местных жителей был устроен сыск - обширное следствие о незаконных налогах и взятках. В истории города бывали случаи, когда местные жители приходили "скопом к воеводе в съезжую избу... невежливые слова говорили... учинились сильные и непослушны...", что по меркам тогдашнего правосудия приравнялось к бунту ⁴. При возможности, как это было во время восстания С.Разина, от ненавистных воевод пытались избавиться самым радикальным способом.

О месте Самары в иерархии русских городов свидетельствует состав дворян, претендовавших на воеводство. Среди них не было боярских и околичных фамилий, относительно редко встречаются стольники, а в основном - представители средних и низших слоев дворянства. Лишь однажды, в 1626 г., воеводой назначили боярина Бориса Михайловича Салтыкова, да и то в опалу, без права называться боярином ⁵. Только

План полевой фортификации Самары середины 1600-х гг.

1 - САМАРСКИЙ ГОРОДОК. Состоял из кремля и острога, населенного посадскими и служилыми людьми. Был окружен деревянной стеной с 11 (?) сторожевыми башнями. Главная башня - на западной стороне - по традиции называлась Спасской. Пунктиром показана основная дорога от степи через укрепленный вал к Городовой башне на северной стороне крепости. Белый прямоугольник в правой части крепости - кремль, огражденный невысокими стенами. Внутри него располагался воеводский двор, приказная изба и др. административные службы. Крестик в левом нижнем углу кремля обозначает Троицкую церковь.

2 - БОЛДЫРСКАЯ СЛОБОДА. Примыкала непосредственно к острогу, возникнув до 1646 г. В нее, по-видимому, входила и Рыбная слобода, упоминаемая в документах середины 1630-х годов.

3 - ВОСКРЕСЕНСКАЯ СЛОБОДА. Предместье к северу от крепости. Наиболее активно слобода начала разрастаться к концу 1600-х гг. Здесь располагалась пристань, обозначенная на плане тремя челнами.

4 - ПОЛЕВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ. Были возведены во второй половине XVII в. На расстоянии около 1,5 км от городка почти под прямым углом друг к другу от берегов Волги и Самары тянулись два широких и длинных оврага, использованных как фланги полевых укреплений. Вдоль рва и вала, соединявших овраги, напротив сторожевых башен, были поставлены надолбы, затруднявшие продвижение вражеской конницы и пехоты. В районе этих полевых укреплений под охраной воинов велась торговля между калмыками и горожанами. В северной части укреплений, к Волге, сразу за оврагом начинался густой лес, на восток же простиралась хорошо обозреваемая со сторожевых башен степь. Восточная и южная стороны городской стены были возведены на высоком и крутом (20-30 м) берегу реки Самары, защищая город с наиболее опасной стороны. На запад от крепости тянулся склон к Волге, покрытый пойменными песками.

5 - указано, для более удобной ориентировки, современное расположение площади Революции.

в самых чрезвычайных случаях, когда Самара оказывалась в центре важнейших событий, в городок посылали действительно крупную историческую личность.

Лихоимство, злоупотребления властью не должны заслонять от нас ту многотрудную деятельность, которой изо дня в день, из года в год приходилось заниматься воеводам. В самом начале Г.О.Засекин, в Смутное время Д.П.Лопата-Пожарский, другие, оставившие менее заметный след в истории Самарского городка, организовывали постройку укреплений и защиту города, руководили боевыми походами, вели тонкую дипломатическую игру с ногаями и калмыками, прибирали на службу вольных казаков и зорко следили, чтобы не завелась измена в подвластном им гарнизоне.

Воевода окраинного городка выступал полномочным и всевластным представителем Москвы в огромной округе, заселенной самыми различными народами, и порой от его поведения зависели мир и спокойствие на юго-восточных границах страны. Дворян для воеводства отбирали дьяки Разрядного приказа, ведавшего всеми военными силами государства, но утверждались они приказом Казанского Дворца, в ведении которого находилась Самара, ему же и непосредственно подчинялись. Порой в городок посылалось двое воевод - главный и его "товарищ", заместитель, а в особо сложных ситуациях даже трое.

Само название должности - "воевода" - подчеркивало чисто военные функции. Для пограничных крепостей опорой власти воеводы, предметом его неусыпных забот и внимания был прежде всего военный гарнизон. Тем более, как уже говорилось, на протяжении всего XVII столетия служилые люди в крепости-городке составляли подавляющую часть местных жителей. По годовым записям, в Самаре 1600-х годов в среднем насчитывалось от 400 до 500 государевых служилых людей ⁶.

Прибывшие в новый Самарский город вместе с Григорием Осифовичем Засекиным дворяне и *дети боярские, иноземцы, стрельцы конные и пехие* набирались из разных городов Поволжья и центральных районов страны. Там, дома, у них оставались семьи, усадьбы и поместья, пашни, хозяйственные постройки. Мало кто из них сразу решался свозить на необжитое опасное место свою семью и хозяйственный скарб. Отслужив положенный срок, обычно равный году (отсюда пошло название "годовальщики"), гарнизон недавно построенной крепости сменялся почти целиком. Так практиковалось в конце XVI - начале XVII века практически по всей территории Российского государства. Заведенный порядок воспринимался опричь души служилыми людьми. Постоянно вести кочевую беспокойную жизнь, не зная, где завтра осядешь, годами не видеть семью - кому могло такое понравиться. А ведь военная служба в то время по существу была пожизненной. Вот и приходилось служить

См. табл. 17А

в Самаре или Царицыне, а за помещьем доглядывать где-нибудь в Нижегородском или Свияжском уездах.

В 1620 - 30-х годах порядок службы воинских людей *по прибору и по отечеству* меняется. Все реже и реже переводы из города в город, только в экстренных случаях правительство решает поднимать местные гарнизоны на дальние длительные посылки. Как и в других пограничных городках, в Самаре начинает складываться свое постоянное служилое население. Вблизи крепости земледелием относительно безопасно можно было заниматься только на Самарской Луке, но там было мало свободных земель, поэтому подавляющее большинство служилых людей самарского гарнизона из-за невозможности прокормить себя сельским хозяйством получали оплату в виде денежного и продуктового жалованья - окладов. Оклады были строго фиксированы. Например, в 1681 году сотнику конных стрельцов полагался годовой оклад в "15 рублей денег, хлеба в 15 четвертей ржи, овса тож". Значительно меньшей была оплата рядовым стрельцам. Пехие стрельцы, а их в это время в крепости служило 288 человек, получали в год "денег по 3 рубля, хлеба по 7 четвертей ржи, овса тож" ⁷.

Только в связи с пожалованием крепости звания города в 1688 г. служилые люди Самары получили в поместное владение окрестные земли. Их поделили между отдельными семьями, но еще долго плодороднейшие черноземы лежали впусте. Под Самарой то и дело

состав

внезапно появлялись калмыцкие и башкирские отряды, и заевшемуся земледельцу запросто грозило оказаться через неделю в роли раба на невольничьем рынке в Бухаре или Кафе.

Каков же был состав самарских ратных людей на протяжении XVII века? Около двух десятков насчитывалось представителей "благородных" сословий - дворян и детей боярских полковой службы. Самарское дворянство формировалось постепенно, не так уж много оказывалось желающих обосноваться в маленьком городке на краю великой степи. Филитовы, Порецкие, Племянниковы, Хомутские, Бекетовы, Перфильевы, Алашеевы и др. начиная со второй четверти XVII века решались ставить свои подворья, ухитрялись обзаводиться землями на Самарской Луке, переселять крестьян. Дворянство, выполняя самые ответственные поручения, получало наиболее доходные места - управление заставами, посты городничих. К привилегированной части служилого населения примыкали сотники одной конной и трех, а то и четырех пеших сотен стрельцов. Зачастую эти посты также занимали дворяне и дети боярские. Бывало так, что управление большей частью самарского гарнизона сосредотачивалось в руках одной семьи. Например, в 1646 году в городе насчитывалось 5 сотников: Семен, Тимофей и Федор Раздеришины, Степан Корчемкин и Семен Олонисев⁸.

В конце 1600-х годов число стрельцов в городе увеличилось за пятьсот. Из них был составлен особый стрелецкий приказ во главе с начальником - "головой".

Среднее положение в гарнизоне занимали так называемые "иноземцы" - мелкая шляхта и приборные люди из недавно присоединенных городов и местностей Речи Посполитой. Денежного и хлебного жалованья они получали значительно больше, чем рядовые стрельцы и пушкар⁹.

При крепостной артиллерии находилась специальная команда пушкарей - около 10 человек. И наконец, к городской службе самарские воеводы набирали янцких казаков, которые жили в особой слободе под крепостными стенами.

По-настоящему вступить в ратное дело самарским служилым людям пришлось всего несколько раз. В 1630-40-х годах в заволжских степях появилась новая орда - калмыки, прикочевавшие сюда из Западной Монголии. На первых порах они повели себя крайне воинственно. Десятитысячное калмыцкое войско обложило Самару и попыталось захватить крепость, но безуспешно. В 1644 году воеводы нескольких поволжских городков, включая Самару, предприняли крупный совместный поход в степь, закончившийся разгромом калмыцких ор¹⁰.

Но не внешний враг был страшен Самарской крепости - опасность таилась внутри городка. Слишком "шатки" и склонны к "измене" сами стрельцы, казаки и посадские люди. Недовольство феодальными

порядками тлео всегда, ожидая удобного случая, дабы стать пожаром. Поэтому-то, кстати, так легко удалось разинским атаманам захватить город в 1670 году.

Кроме изредка случавшихся крупных походов и постоянной гарнизонной службы служилые самарцы постоянно посылались для сопровождения русских и ногайских послов, купеческих караванов, охраняли волжские перевозы, несли караул на заставах. Сторожи устраивались на территории Самарской Луки в Самарском уезде. Во второй половине XVII века по поручению самарских воевод три небольших острожка были устроены между Волгой и Усой - на Переволоке. В них постоянно находился сменный караул из 50 стрельцов. Редкие сведения о службах самарского гарнизона, уцелевшие до нашего времени, не позволяют однозначно решить вопрос об их тяжести. С одной стороны, стрельцы и иноземцы постоянно жаловались, что они на государственной службе совсем оскудали, вечно в посылках, им некогда заниматься своим хозяйством. С другой стороны, посадские люди писали, что многие стрельцы от службы отлынивают, от поручений откупаются, а все время и силы тратят на торговлю и промыслы¹¹.

Надо признать, что Самарская крепость находилась в более спокойном и защищенном мес-

Военный наряд русского воина

Русский конный воин

те, чем Саратов и Царицын. Самарские служилые люди проводили значительно меньше времени в государевых походах и посылках, но и получали, соответственно, меньшее вознаграждение за ратное старание. Об этом свидетельствуют, в частности, записи в книгах Печатного приказа 12.

Самара не имела отдельных населенных стрельецких слобод. За стенами кремля, на посаде и в слободах, посадское и служилое население, как представляется, жило в тесном соседстве. Посадские имели родственников среди стрельцов и наоборот. Отставные стрельцы сливались с посадским миром, кое-кто из собственно городского населения поступал на службу стрельцом или пушкарем. По подсчетам специалистов, средняя населенность двора в XVII веке составляла около 7 человек. Если предположить, что не менее двух третей гарнизона являлись постоянными самарскими жителями и имели в городе свои дома и семьи, то численность служилых людей и их семей составляла около 2,5 - 3 тысяч человек.

Городская власть

Самара строилась и расширялась. Городок уходил за границы старых укреплений, прирастал слободами, церквями и монастырями, кабаками и заставами.

Появился посад со своим особым населением: стрельцы, пушкари и иноземцы все чаще и чаще начали обращаться к выгоде заведения собственного хозяйства, обростали семьями и усадьбами.

Надо сказать, что самарцы только в крайнем случае обращались к государственной администрации. Обычно большинство спорных вопросов решалось с помощью неофициальных неписаных норм поведения. Но никогда ни посадские, ни служилые люди не забывали, что они находятся под бдительным оком далекого московского правительства и его наместников в лице самарской администрации. Тем более не забывала об этом Москва, славшая своих гонцов со все новыми указами, наказами, требованиями служб и поборов.

Административный центр городка находился в самой крепости-кремле. За тесным частоколом стояли *приказная*, или, как ее еще называли, *сyezжай изба*, *тюрьма*, *осадные дворы*, амбары со съестными и военными припасами, усадьбы воевод и начальных людей. Все дела, касающиеся крепости и ее жителей, решались в приказной избе. В ней "сидели" воевода и его товарищи, городничий, иногда другие начальные люди.

Но основными действующими лицами в *сyezжай избе* по праву считались *подьячие*. В первые годы существования крепости их было

немного - один-два, и присылались они так же, как и воеводы - на пару лет, редко на более длительный срок. Время шло, город разрастался, и уже в начале 1680-х годов в Самаре насчитывалось четверо *подьячих*. Это были специалисты широчайшего профиля - знатоки делопроизводства и юриспруденции, архивисты, бухгалтеры, порученцы по особо важным вопросам, - словом, прообраз современного государственного чиновника. И получали жалованье они соответственно своей квалификации. По *окладным росписям* им причитались *оклады*, сравнимые с *окладами* начальных людей.

Помимо государева жалованья в руки этих людей отовсюду стекались посулы и подарки. Издавна так повелось на Руси: хочешь получить положительный ответ - плати, хочешь, чтоб тебе написали *челобитную*, которая "дойдет до самого..." - не скупись. Но и работы у *подьячих* был немало. Каждый день они "сидели" в *сyezжай избе*, принимали посетителей, оформляли дела, вели бухгалтерию. *Подьячих* посылали на таможию и заставаы, в кабаки, на рыбные государевы дворы и в дальние посылки. Много времени и трудов отнимали непрерывные владельческие споры, проверка межей и граней отдельных владельцев, ведение *откупных* операций. В город стекалась информация о передвижениях *ногайских* и *калмыцких* орд, намерениях кочевой знати, о действиях *казацких* ватаг. Все эти сведения обрабатывались, на их основе составлялись *отписки* в Москву, имевшие ценность важной государственной информации.

Показателем величины русского средневекового города, динамики его экономической и общественной жизни можно считать наличие такой социальной группы, как *площадные подьячие*. В Самаре они появились только во второй половине XVII века¹. В отличие от обычных *подьячих* *площадные* кормились средствами от работы на заказ. Обычно на городской площади у них было определенное место, иногда даже будочка, где они подготавливали деловые бумаги всем желающим. На такую

Площадной подьячий

работу должен был существовать немалый, чисто городской, в общем-то, спрос, иначе не прокормиться.

Все частные бумаги, проходившие через съезжие избы городов, обязательно регистрировались в московском Печатном приказе и записывались в специальные книги. Исследователи, изучавшие становление поволжских городов - Самары, Саратова и Царицына, удивляются такому парадоксальному факту: записей по Самаре XVIII века гораздо больше, чем по Саратову, Царицыну и Черному Яру (ныне город в Астраханской области) вместе взятым, меж тем по размерам и численности населения Самара не выделялась, уступая Саратову. Непонятно, чем объяснить такую уважительную любовь, даже страсть самарских жителей к "бумажечке", но то, что на этом в досталь кормились местные подьячие, несомненно.

Через город постоянно следовали посольские и купеческие караваны, а многие окрестные деревни населяли чуваши и мордва. Для объяснений с ними при съезжей избе держали двух толмачей, по-нынешнему, переводчиков - татарского и чувашского.

После воеводы вторым лицом в городе считался городничий, или, как тогда говорили, городской приказчик. Должность эта, по-видимому, также приносила немалый дополнительный доход, поскольку на нее, как правило, претендовало по нескольку кандидатов. Основными обычно оказывались самарские дворяне и дети боярские. Нередко конкуренцию им составляли приезжие дворяне из Свияжска, Алатыря и других волжских городов.

Городничий занимался в основном вопросами внутригородской жизни, оборонительными сооружениями, общественными работами, надзором за сбором налогов с посадского населения, приемом купцов и т.п. Правящая администрация исполняла не только налоговые, протокольные обязанности, но и железной рукой наводила порядок в городе. В 1655-56 годах в Самаре появляется первый полицейский - пристав², отвечавший за розыск по совершенным преступлениям, предупреждение возможных разбоев, за явку сторон в суд. Преступников или подозреваемых сажали в темную и сырую тюремную избу, находившуюся в детинце, под охрану дюжего тюремного сторожа. Для наказаний в городском штате держали должность палача. Обоим этим молодцам, надо сказать, всегда находилась работа.

Главной опорой воеводы и городничего, исполнителем наиболее ответственных поручений выступала местная знать - дворяне и дети боярские полковой службы. Они зачастую не имели штатных должностей и лишь на конкурсной основе могли занять посты городничего, руководителей застав.

На подступах к городку, в степи, на реках Волге и Самаре по пути следования торговых речных и сухопутных караванов устраивались небольшие острожки - укрепленные дворы, куда на оговоренный срок

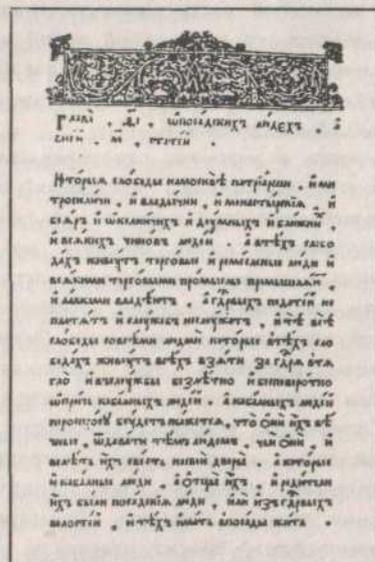
посылались отряды стрельцов во главе с каким-нибудь самарским дворянином. На таких заставах-таможнях проверялись грузы, выскивались "заповедные" товары, то есть контрабанда, которую пытались провезти кочевникам или казакам, взималась пошлина. Некоторые заставы находились весьма неблизко - в засамарских степях в "Осинниках" (точное местонахождение неизвестно), на волжско-усинской переловке, и гарнизоны их выполняли одновременно с таможенной сторожевую, упредительную роль.

Дворян посылали руководить межеваньем - определением границ земельных владений, они разрешали споры между уездными крестьянами, монастырскими приказчиками и помещиками. От городка к городку прокладывались маршруты "патрульных" дозоров, к проходящим караванам прикреплялись стрелецкие охранные отряды, и во всех этих обязательных предприятиях должны были участвовать местные феодалы. Бремя дворянина, как видим, было не из легких, поэтому можно понять их жалобы в Москву с просьбами "ослободить" от тяжелых посылок.

Обособленным, чисто мирским учреждением в Самаре являлась посадская община. Она включала жителей посада, свободных от государственной службы, но обремененных посадским тяглом. Помимо тягла на посадских лежали основные городские повинности и службы. Поэтому-то иногда посадские люди били челом местным властям с просьбой

"О посадских людях".

Глава из Уложения 1649 г.

включить в посадское тягло того или иного стрельца или иноземца, рьяно занявшегося местными промыслами, не исполнявшего городских служб, но пользовавшегося при этом всеми льготами посадского населения. Посадские общины в поволжских городах типа Самары были невелики и небогаты. Об их невысокой состоятельности говорят данные сбора налогов - пятин и десятин, то есть, одной пятой или одной десятой всего имущества налогоплательщика. В Самаре такой сбор в 1616 году составлял 700 рублей, в Уфе 500 рублей, в то время как, например, в Нижнем Новгороде 12 000 рублей ³.

Посадские люди жили в условиях самоуправления. На сходе они избирали старосту и его помощников - "выборных": сотских и десятских. Мирские старосты и выборные играли весьма серьезную роль не только в регулировании внутренней жизни общины, но прежде всего во взаимоотношениях посада с феодальной администрацией города. На выборные должности выдвигали людей обстоятельных, способных защитить от властей предрержащих интересы "мира". Правда, мало охотников находилось исполнять эти хлопотливые обязанности. Руководители общины оказывались меж двух огней - жители посада требовали от них твердости и самостоятельности в отношениях с хозяевами приказной избы, а те, в свою очередь, с пристрастием заставляли неукоснительно выполнять все феодальные повинности. Нередко выборные не только лишались "животов" - собственного имущества, но и оказывались на правеже, отвечая за недоимки посадского

мира.

В отличие от городов Западной Европы, звание горожанина в которых делало человека свободным, русский посадский человек фактически оставался крепостным феодального государства, не имея права - под страхом смертной казни - покинуть по своей воле общину. "Черные люди", как часто называли посадских, обязывались платить в казну все больше и больше налогов, или "государева тягла", исполнять утомительные "земские службы посадских людей". К этим службам относились ремонтные и строительные работы, подводная повинность, руководство таможенными, кабаками, кружечными дворами, торговыми экспедициями. Головы и целовальники избирались всем посадским миром и отвечали перед воеводами за правильно и полностью взимаемые денежные и натуральные сборы.

Несмотря на внешнюю привлекательность и кажущиеся возможности для быстрого обогащения, местные жители воспринимали выборные должности как тяжелую повинность. Все недочеты воеводы и приказы "доправляли" жесточайшим способом с самих выборных, причем самой "популярной" мерой являлся правеж.

За обыденной, рутинной жизнью маленького городка на пограничье всегда скрывалось затаенное напряжение полюсов: усилия властей по сохранению и ужесточению существующего порядка - и глухое противодействие этому горожан, скрытно, но упорно стремившихся хоть как-то облегчить свое положение.

Не только службами да дворовыми хлопотами полнилась жизнь средневековых самарцев. Важнейшее место занимала религия. С рождения и до смерти обывателей городка осеяли кресты многочисленных церквей и монастырей, внушая свой образ мира и существования ⁴. Первая церковь, получившая имя Пресвятой и Живоначальной Троицы, была выстроена вместе с основанием крепости - в 1586 году. Деревянная, с приделом Николая Чудотворца, она на долгие годы стала главной соборной церковью города. Одно время храм Николая Чудотворца существовал обособленно, самостоятельно. Дворы николевских и троицких попов, дьячка, дьякона и пономарей находились среди прочих посадских в Болдырской слободе. В 1685 году в Самаре выстроили первую каменную Преображенскую церковь, остатки которой были снесены в 1952 г. при возведении моста через реку Самару ⁵. Кирпич для нее обжигали самарские кирпичники.

Самарские монастыри появились уже в начале 1600-х годов. И женский и мужской назывались одинаково - Спасо-Преображенские. В отличие от стариц женского монастыря, живших на государево жалованье - ругу и на подаяния прихожан, монахи мужского, считавшегося домовым патриаршии, владели богатой вотчиной на Самарской Луке с деревнями

и селами Рождествено, Подгоры-Ильинское, Выползово, Новинки, Шелехметь, Торновое и другими. Старцы, подавая пример "святой жизни", не забывали и о повседневной мирской, ревностно исполняли хозяйственное попечение.

Промыслами и торговлишкой живучи...

В середине XVII века в Самаре насчитывалось около 120 посадских дворов, в которых жило не менее 650-700 человек. Это количество почти не увеличилось к концу столетия, и, по сравнению с семьями служилых людей, посадские оставались сравнительно немногочисленной группой.

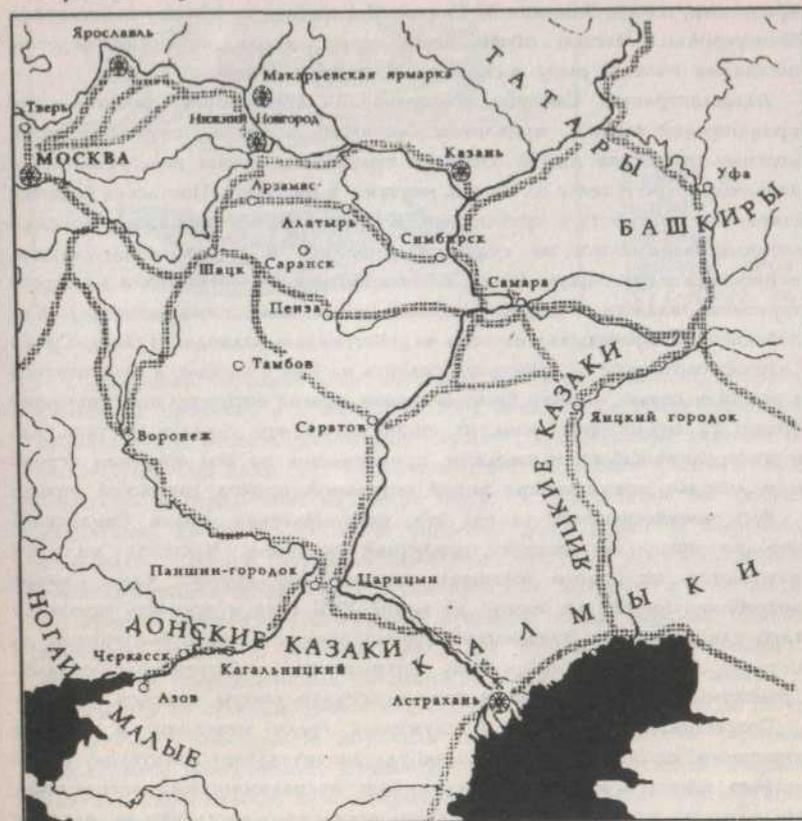
Если осенью и зимой численность населения держалась относительно стабильно, то весной в Самару, как и в другие поволжские городки, начиналось паломничество: отовсюду стекались гулящие люди, крестьяне, посадские в надежде найти заработок на великой русской реке. Недаром в это время на Руси сложилась поговорка: "Нечем платить долгу - дай пойду на Волгу". И Волга-кормилица не обманывала надежд: пришлый люд быстро рассасывался по рыбным и судовым промыслам, уходил вниз на учюги и астраханские соляные озера, так что к началу-середине лета жизнь в городках вновь принимала свой обычный размеренный, полусонный вид.

Прцветание, да просто существование многих средневековых русских городов напрямую зависело от оживленности торговых путей, на которых они располагались. Не была исключением и Самара.

Хозяйственная жизнь Самарского городка долгое время ориентировалась главным образом на обслуживание транзитных грузов, посредническую деятельность. После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья в середине XVI века Волга становится главной торговой артерией Московского государства.

Весной, после ледохода, огромный караван, числом до пятисот крупных судов, спускался вниз к Астрахани с хлебом, лесом, промышленными товарами, государевой казной. Осенью этот гигантский караван вез вверх соль, рыбу, заморские товары. Весенним и осенним караванами конечно же не ограничивалось волжское судоходство. Струги, паузки, коломенки, насады с опаской сновали по Волге всю навигацию. Суда, оставшие от осеннего каравана или не успевшие до заморозков пройти вверх, вынуждены были зимовать в устье реки Самары, где для них уже в конце XVI в. было устроено специальное зимовье.

Крепость была построена и всегда находилась на перекрестке торговых дорог. Из Москвы в конце XVI века через Шацк и Самарский городок

Звездочками внутри кружков обозначены торговые центры, серыми линиями - основные торговые пути.

шел в Среднюю Азию удобный, хоженный сухопутный путь. Среднеазиатские купцы - тезики после долгих, полных опасностей дорог через пустыни и степи останавливались отдохнуть в благодатной Самаре, в специальном тециком дворе¹, а затем через перелазы у Соснового острова переправлялись на правобережье, продолжая путь на Москву. У "Самарского урочища" к этим караванам присоединялись ногайские и калмыцкие купцы с огромными табунами лошадей, отарами овец.

Зимой по замерзшему руслу Самары на Яик к казакам шли санные обозы - до 500-600 саней - с хлебом, оружием, зельем, одеждой.

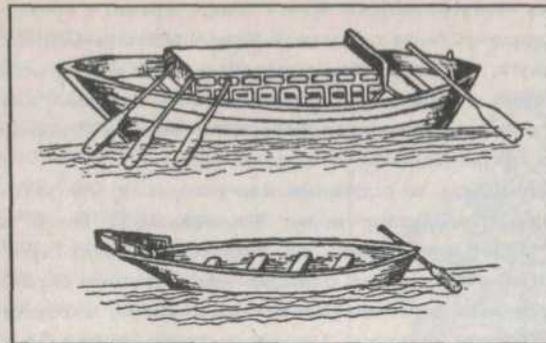
Возвращались санные "поезда" со знатной яицкой рыбой, рыбными припасами, солью. Зимники от Самары и Саратова на Москву действовали бесперебойно. Частью обозы шли вверх, вдоль волжских берегов, поставляя соль и рыбу в Казань, Нижний Новгород.

Администрация Самары обеспечивала нормальные условия для продвижения товаров, привлекая для этого не только служилых, но и местных посадских людей. Нередко транзитные грузы перегружались с верблюдов, арб и телег на струги, паузки - и наоборот. Посадские бедняки старались подработать грузчиками. С наступлением навигации мужики сотнями нанимались на суда, сплавивались в рыболовецкие ватаги, впрягались в бурлацкую лямку. Кто состоятельней - открывали на берегу харчевни, шалаши, предлагая всякую снедь, квас, пиво, медовуху. Кто победней - подрабатывал извозом на собственных подводах и санях. Среди "яицких охотников" - любителей сходить на Яик с хлебом, а возвратиться с рыбой и солью, - много было самарцев. Самые состоятельные горожане брали на откуп (еще чаще их принуждала это сделать местная администрация) кабаки и таможни, приносявшие по тем временам огромные доходы, превышавшие порой остальной приход городской казны.

Весь хозяйственный уклад, вся экономическая жизнь Самарского городка вращались вокруг транзитной торговли. Крепость жила, что называется, от одного торгового каравана до другого. Сама Самара потребляла не так уж много: до конца XVIII века в крепость завозился хлеб для гарнизона, трудоемкие промышленные товары, боеприпасы да металл. Все остальные нужды покрывались собственными силами. Транзитных товаров в самом городе оседало совсем немного.

Потребности посадских и служилых были невелики, а местное купечество не обладало сколько-нибудь значительным капиталом, чтобы всерьез заняться перекупкой, крупными посредническими операциями. Ни один из представителей местного посадского населения не являлся членом *гостиной* или *суконной сотен*, не говоря уж о *корпорации гостей*. В 1630-х годах самым богатым в городе среди "простолюдинов" считался торговый человек Кузьма Щепкин; его "животы", то есть имущество, были оценены в 500 рублей².

Перекупкой товаров в Самаре занимались приезжие купцы-промышленники - *гости* Светешниковы и Никитниковы из Ярославля, Задорины из Нижнего Новгорода и другие. В 1676 году воевода Александр Шель сообщал: "...в прошлых... и в нынешних годах те купчины приедучи на Самару продавала всякие товары: *киндяки*, шелк, сафьяны, *выбойки*, соль, а пошлины в нашего великого государя казну с тех товаров и с продажной соли не платили, учинились сильны"³. Вряд ли все эти товары могли понадобиться самарцам, скорее всего сделки между собой совершали транзитные купцы.

Струг и паузок - русские гребные суда XVI-XVII вв.

Оживленная торговля шла на самой волжской пристани, сначала в Самарском урочище, а с середины XVII века, когда Волга переменяла прежнее русло, непосредственно под Самарой. За городскими укреплениями был устроен еще один торг - с кочевниками. Калмыков и ногаев боялись допускать в город, поэтому место торга им определили "за дальними надолбами", на северо-восточной окраине, где-то в районе современной Самарской площади. Торговля "яицкими" товарами также проводилась вне стен городка, на заставе в "Осинниках", на "пропуске с Яика рыбного и икряного промыслу". Самарскую крепость, таким образом, окружали несколько застав и торговых мест, где и совершалось большинство торговых и посреднических операций. В самом городке небольшой торг разрешался за стенами крепости-детинца, на торговой площади посада⁴.

Приезжих иностранцев поражала склонность русских к торговле с соблюдением своеобразного, казавшегося иноземцам совершенно ненужным, ритуала. Горопливість при совершении сделки представлялась русскому признаком несерьезности, вообще неумения жить: "Тороплив ты, человек, не смеешь ты пуститься с людьми торговать". Покупатель и торговец по многу раз сходились и расходились ("мне нет мочи с тобой сторговать, ты одну цену торгуешь без убавки") и только после длительных переговоров ударяли друг друга по рукам, закрепляя совершенную сделку. Подобная процедура могла возникнуть только там, где

важнейшие жизненные устои были связаны с постоянными и разнообразными торговыми операциями. К таковым городам относилась и Самара.

Вторым по значимости занятием самарцев являлось рыболовство, благо рыбные

богатства Волги казались неисчерпаемыми. Во все концы страны, и прежде всего в центральные города во главе с Москвой, продавались ценнейшие сорта рыбы - осетр, белуга, севрюга, белорыбца (белая семга), стерлядь и даже лосось. На частях - судака, щуку, леща, сазана смотрели как на рыбу второго сорта, а знаменитую впоследствии волжскую сельдь выбрасывали на берег считая сорной.

Каждый житель Самары, будь то служилый или посадский, мог взять в оброчное пользование промысловые воды. Вся акватория Волги в пределах Самарского уезда разбивалась на участки, и когда срок пользования предыдущего владельца на один из них кончался, бирнич, то есть глашатай, в базарный день выкрикивал на торговой площади охотников принять участие в конкурсе. Обычно таковых оказывалось несколько, поэтому устраивался торг с наддачей, своего рода аукцион. Местные жители не были столь богаты, чтобы арендовать крупный участок, порой они выступали артелью, но все равно не могли тягаться с богатыми купцами из верховых городов - Рыбинска, Нижнего Новгорода, Углича или старцами-промышленниками центральных монастырей - Троице-Сергиева, Новоспасского, Новодевичьего, Печерского и других.

В 1655 году самарцам, саратовцам и жителям Царицына предоставили льготу - отдали в непосредственное распоряжение волжские воды на пять верст выше и ниже названных городов. Эти воды считались полной муниципальной собственностью.

Вскоре после основания крепости Самары около нее появилась небольшая Рыбная слобода, среди жителей которой подъячии - составители *фискальных описаний населения* - "обнаружили" пять рыбников, то есть людей, целиком живущих на доходы от рыболовства. Центральные монастыри, ухитрившиеся спустя век завладеть подавляющим большинством волжских промысловых вод от Симбирска до Саратова, пытались устроить свои промысловые базы в местных городках: на посаде или в слободах. Так появились в Самаре подворья московского Чудова и нижегородского Благовещенского монастырей.

Конечно, большинство самарцев ловили рыбу "про свой обиход" и в охотку, но "рыбники" сделали этот промысел своей основной профессией.

Все прочие промысловые и ремесленные занятия играли значительно меньшую роль в жизни градских людей. К середине 1630-х годов среди них, например, насчитывалось около тридцати ремесленников ⁵. Вряд ли их стало намного больше в последующие годы. В городке - на посаде и в слободах - работали: *бондари, иконники, камышники, кирпичники, кузнецы, плотники, портные, сапожники, серебряники, солоденики, сыромятники, рыбники, харчевники, часовники, шапочники, калачницы, хлебницы и молочницы*. Таким образом, по архивным документам, можно

насчитать 18 профессий, но вряд ли все из них назовешь ремесленными. Самым крупным "цехом", после рыбников, были кирпичники. Есть упоминания о мастерских - кирпичных сараях, которые брались на откуп в конце 1600-х годов. По более поздним документальным источникам XVIII - начала XIX вв., кирпичные сараи в 1600-х годах находились за дальними надолбами, в районе сегодняшнего кабельного завода, где залежали хорошие гончарные глины. Как правило, представители всех этих специальностей обслуживали нехитрые городские нужды, причем самыми состоятельными из ремесленников считались 2 плотника.

Промыслами и посреднической торговлей занимались не только посадские, но и значительная, если не большая, часть служилых людей. Судя по документальным свидетельствам, предприятия последних оказывались даже более удачливыми, или, по крайней мере, более прибыльными. В самой же посадской общине различия между бедностью и богатством терялись на общем фоне средней обеспеченности. В городке, по данным пятины 1634 года, оказалось только четверо относительно богатых "простолюдинов": уже упомянутый Козьма Щепкин, предприниматель Ивац Ланжа (его "животы" оценивались в 45 рублей), Яким Скорняк (30 руб.), занимавшийся скорнячеством, и плотник Денис Кириллов (27 руб.), - и лишь каждый десятый жил действительно бедно ⁶. Преобладание людей среднего достатка вообще было характерно для многих городов Среднего и Нижнего Поволжья.

Если исключить кремль-детинец, многочисленные церкви и монастырские постройки, Самарский городок вполне походил на большое торгово-промысловое селение. От посада, огороженного стеной с башнями, вдоль Волги вверх по течению тянулась цепочка слобод - Рыбная, Болдырская и Вознесенская; за последней лежали огороды и кабацкое место.

Дома с усадебными постройками, а зачастую и огородами, стояли

Русский купец

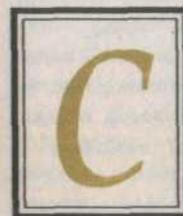
просторно. Сохранилось описание одного из типичных самарских дворов: "...а на дворе... хоромы, изба липовая бревенная, да повалоши сосновая бревенная с чердаком, да сени, да погреб, печь надворная, баня осокоревая бревенная, да хлев, двор в городьбе и с ворота. Дворовое место против *государевых размерных книг*, а в межах тот... двор подле двора Чудова монастыря, а по другую сторону двор Кирилы часовника, а против через улицу *городовой острог*" ⁷. Как видим, этот двор соседствовал с монастырским подворьем и находился за пределами укрепленного острога, в пригородной слободе. Едва ли не в каждом дворе была лошадь, а то и несколько, коровы, козы, овцы, куры. Скот и конские табуны пасли за надолбами в степи, в самарской и волжской поймах, на богатых травой островах.

До 1688 года у Самары не было своей пашенной земли, но и когда ее пожаловали городу, жители долго не решались заняться земледелием - слишком велика была угроза из степей.

БУНТАШНЫЙ ВЕК

Смутное времечко

Семнадцатый век не зря называют бунташным. Мощнейшие социальные потрясения, политические бури не только нарушили покой крупных центральных городов страны, но и не обошли стороной маленькие пограничные крепости, к числу которых относилась Самара. Самарские служилые и посадские люди воочию увидели многих главных действующих лиц Великой Смуты, поразившей страну в начале 1600-х годов. Позже, через полстолетия, крепость оказалась в руках разинских атаманов...

Обычно историки под Смутным временем подразумевают период, продолжавшийся с самого начала XVII века до освобождения Москвы от власти иноземных захватчиков и воцарения новой династии Романовых в 1613 году. Смутное время

- это время бедствий, обрушившихся на Россию: народные восстания и голодные бунты обожгли страну, канула в Лету едва народившаяся династия царей Годуновых и, словно грибы после дождя, объявились самозванцы, с простодушной упорностью выдававшие себя за "безвинно убиенного" царевича Дмитрия. Поляки и шведы, давние враги-соседи России, захватили многие города, включая Москву, земли и уезды оказались сами по себе, и, казалось, уже никогда не воспринмет единое государство, которое по крупницам собирали потомки Александра Невского и Ивана Калиты.

Трудно было разобраться современникам в круговерти драматических событий, мудрено понять, какой власти дать присягу. В сложной ситуации оказались воеводы и служилые люди далеких поволжских, низовских, городов.

Как уже говорилось, из-за опасности набегов кочевников рядом с Самарой, Саратовым, Царицыном не возникло собственной сельскохозяйственной округи, даже хлеб приходилось завозить издалека, с верхней Волги. Поэтому городки-крепости оказались в роли заложников у сменявших друг друга политических движений в центре страны.

Смутное время эхом отзывалось и на восточных границах: усилились разбой, грабежи, убийства, на волжские просторы, осмелев, все чаще выходили дерзкие ватаги вольных казаков. Большие убытки несли предприниматели волжских городов, включая Самару и Саратов ¹.

Все Поволжье всколыхнули казачьи терские отряды "царевича Петра", якобы таившегося ранее сына царя Федора Ивановича (младшего сына Ивана Грозного). Под этим именем скрывался очередной самозванец Илейка Горчаков (или Муромец). Недалеко от Самарской крепости летом 1606 года состоялась встреча казаков, везших в Москву своего "царя", с представителями Лжедмитрия I. Неизвестно, чем закончилась дипломатия самозванцев, но где-то в районе Свияжска Илейка получил известие о гибели Лжедмитрия I и поворотил от греха назад.

Самара чудом смогла уцелеть во время этого страшного шествия, когда не доведшие своего "царя" до престола казаки "поворотили назад, многие города и места разориша" ². Хуже пришлось саратовцам: город сожгли и саратовские служилые люди "босы и наги прибрели" в Самару ³. Разгромлен был и Царицын.

В 1613 году лихолетье, казалось, отступило: с польскими интервентами было покончено, в Москве собрался Земской собор, на котором представители всей русской земли избрали на царствование Михаила Федоровича Романова. Но между вождями двух ополчений Д.Т.Трубецким, И.М.Заруцким, Д.М.Пожарским и другими возникла распря: каждый претендовал на более высокое место в только что сформированном правительстве страны, а кое-кто притязал и на шапку Монаха. Самый "оригинальный" поступок совершил один из руководителей первого ополчения казачий атаман Иван Мартынович Заруцкий. Не признав решений Земского собора о поставлении русским царем Михаила Федоровича Романова, он со своими ближайшими сподвижниками решил начать новый этап вооруженной борьбы за власть.

Казачий атаман Иван Заруцкий - одна из крупнейших личностей Смутного времени. Начинал он как сподвижник вождя первой Крестьянской войны Ивана Болотникова. Велика его роль в действиях первого ополчения, где он руководил многочисленными казачьими отрядами, доблестно сражавшимися с поляками. Обладая незаурядными способностями полководца и организатора, сильной волей, храбростью и даром убеждения, Иван Заруцкий искренне выражал антикрепостническое чаяния народа, прежде всего казачества. Однако преобладали в его

натуре непомерное самолюбие, политический авантюризм. Посчитав себя обделенным властью в Москве, тщеславный казачий атаман поставил целью в Рязани и на Верхнем Дону собрать под свои знамена все оппозиционные силы и начать новый поход на центр.

Малолетний сын Марины Мишиек и Лжедмитрия II, презрительно прозванный в Москве "воренком", для полноты сюжета выдавался беглецами за очередного "законного" наследника русского престола. Однако вскоре правительственные войска вытеснили Заруцкого из рязанских и донских мест, и мятежный атаман вынужден был уходить дальше на юго-восток.

В конце лета 1613 года Заруцкий захватил стратегически важную Астрахань и начал подготовку к новой аванюре: привлек на свою сторону большинство астраханцев, волжских вольных казаков, окрестных татар; предпринял поход против ногайских мурз, чем заставил их дать *аманатов* и присягнуть себе на верность; разослал по поволжским городам грамоты с призывом присоединиться к "законному" государю; открыл переговоры с иранским шахом.

Московское правительство притязания своевольного казачьего атамана на верховную власть встревожили не на шутку. В памяти руководителей Боярской Думы и Земского Собора еще свежи были воспоминания о подобных предприятиях Лжедмитриев I и II, когда из ведомых ими поначалу сравнительно небольших отрядов внезапно возникали громадные, наполненные народной ненавистью армии. Поэтому как только в Москве получили известия об инициативах Заруцкого, против него решили использовать крупные контингенты войск во главе с князьями И.Н.Одоевским и С.В.Головиным, тут же назначенными астраханскими воеводами.

Эти отряды выступили из Москвы еще во второй половине апреля 1613 года, но долгие сборы ратных людей и беспокойная обстановка в

Среднем Поволжье настолько затруднили организацию похода, что воеводы потеряли на сборы и подготовку к активным действиям почти год. В качестве форпоста для противодействия далеко идущим планам Заруцкого на Волге был избран Самарский городок. Летом 1613 года в Самарскую крепость послали одного из наиболее опытных военных командиров второго ополчения князя Дмитрия Петровича Лопату-Пожарского, троюродного брата знаменитого героя Смутного времени Дмитрия Михайловича Пожарского.

Дмитрий Петрович, по всей видимости, пользовался полным доверием своего родственника, занявшего один из ключевых постов в новом правительстве. Военные и организаторские способности Лопаты-Пожарского были проверены во многих сражениях, включая решающий момент схватки с поляками в августе - октябре 1612 года за Москву, где он командовал передовым отрядом второго ополчения. К тому же у князя оставались личные счеты с казачьим атаманом. Между I и II ополчениями происходило острое соперничество, не раз выливавшееся в открытые столкновения. Не единожды их отряды сталкивались на поле брани и, как правило, побеждало воинское умение князя Дмитрия. Завистливый Заруцкий даже подсылал своих "агентов" для тайного убийства Пожарского, но коварный замысел не удался. Таким образом, в лице нового самарского воеводы, крупного военачальника, авантюрист Заруцкий получил своего заклятого врага.

Однако возможность маневра, материальные ресурсы, людские резервы Лопаты-Пожарского на новом месте оказались крайне ограниченными. Самара в это время обреталась в очень бедственном положении. Гарнизон крепости состоял всего из 50 конных и 250 пеших стрельцов, да и те, по отписке воеводы, оказались "бедны, наги и бесконны". Правда, из разоренного Саратова в Самару пришло 75-77 конных и 130 пеших стрельцов, но те имели еще более убогий вид.

Дмитрий Петрович трезво оценивал силы городка для сопротивления возможной длительной осаде. "И посылал я, - отписывал он царю, - ... в Самарском [городке] обыскивати хлебных запасов, ино не добыли ничево... В твоих, государевых, житницах хлебных запасов нет ни единые чети, а в миру купити не добыть... Для осадного времени, государь, самарским всяким людям сидети будет нечим ... хлебных запасов для осадного времени нет ... [а для] обороны многие стрельцы нужны, и стрелецкие жены и дети по миру ходят ... з голоду розно не брядут ... держит их зимний путь, а на весну, государь, удержати их з голоду будет не мочно - разбредуцца розно" ⁴. Что и говорить, красноречивая характеристика!

Однако властный и крутой воевода смог настолько "крепко зажать" местное служилое и посадское население, что, по его же сведениям,

против обычного сбора в казну в размере 500 рублей - собрал 2000. Кстати, умением выколачивать сверхналоги Лопата-Пожарский прославился и прежде, управляя в Твери. Не составляли секрета применяемые при этом способы: чрезвычайная власть, лихоимство, заведомое превышение полномочий.

Несмотря на астраханскую опасность и крутого воеводу, в осень и зиму 1613/14 года Самара не изменила обычного уклада. Выступление Заруцкого ожидалось только весной, а пока что местные власти собирали сведения о мятежном низовье, посылали своих разведчиков на Дон и Яик, встречали и провожали посольства, купеческие караваны, держали переписку с Одоевским и Головиным.

Крупным событием для Самары оказалось прибытие русского и иранского посольств вместе с купцами. Они пришли 28 февраля 1614 года, и до 25 марта, почти месяц, в крошечной крепости дополнительно размещалось более сотни взыскательных гостей. К тому же в Самаре в это время находились бухарские и хивинские купцы, более двух сотен саратовских стрельцов. Всю эту публику надо было прокормить, послать и купцам переменить лошадей, дать провиант на дорогу, послать с ними конных стрельцов для охраны. Посольский приказ из Москвы требовал как можно скорее отправить незваных гостей, угрожая воеводе всякими карами, гослы нервничали и предъявляли все новые претензии. По приказу Амира Али-бека, главы иранского посольства, на площадь перед

приказной избой привели "...усталых и больных семнатцать лошадей и покинули". Посол пригрозил: если не дадут овса, то "я... и достальных лошадей велю привести на площадь и покинуть" ⁵. Несмотря на все трудности, Лопата-Пожарский, применив давление и находчивость, все же смог подобающим образом снарядить посольства: добыл 40 четвертей овса для лошадей, собрал отряд из 30 стрельцов для охраны и в самое лучшее время для похода по весеннему насту, пока не пошел лед на реках, отпустил людей.

В документах, посвященных сборам посольств, посылкам *станиц*, хорошо показан радиус действий служилых людей пограничного городка. Они подробно знали путь по Волге, дорогу в Москву сухим путем через Шацк или Алатырь, умели дойти до Яика, но не более. Дальнейшая дорога на восток, в Среднюю Азию, им была неизвестна, также никто не знал сухого пути к Дону. 28 марта в Самару из Астрахани прибыл "гулящий" нижегородец "Таврилка" Емельянов. Он привез неутешительные известия о том, что Заруцкий готовится к большому походу "с большим нарядом и с вогняными пушками под Самарский и под Казань" ⁶. Емельянова немедленно отправили в Москву, а в конце апреля Лопата-Пожарский доносил в Свияжск о том, что помощь Заруцкому двадцатью тысячами сабель обещал турецкий султан, и первые отряды уже стоят в Азове. Из Казани в середине апреля на устье реки Усы, немногим выше Самары, для строительства острожка и "сидения" в нем отправили во главе пяти сотен стрельцов стрелецкого голову Гордея Пальчикова. Ему вменили в обязанность "посылать от себя на низ Волгою, до Самары и в верх Усою, станицы, по часту, чтобы воровские люди безвело не пришли... а буде воровские люди пойдут снизу к Самаре, и мы велели Самарскому городу от воров помогати" ⁷. Одоевский и Головин, стремясь вызвать недовольство астраханских жителей Заруцким, приказали Пальчикову не пропускать вниз по Волге хлеб и продовольствие, причем население Самары и других понизовых городов оказалось под угрозой голода. В начале мая этот отряд перешел в Самару и существенно укрепил местный гарнизон. Вслед за Пальчиковым из Казани двинулись основные силы правительственной армии. В мае на самарской Переволоке, между Волгой и Усой (в районе современного села Переволоки), строит острожек и встает со своим приказом еще один стрелецкий голова Сунгур Соковнин. Теперь князь Лопата-Пожарский мог вздохнуть свободней.

Но - вот уж глупейшее постоянство! - между руководителями наводнивших край военных отрядов разгорается склока. Спор как обычно зашел о верховенстве: кому конкретно должны подчиняться все вооруженные формирования? Ни одна сторона не стесняла себя наветами. К примеру, самарского воеводу обвиняли в том, что он якобы заявлял о своем намерении присоединиться к Заруцкому и начать грабить русские

города ⁸. Вряд ли в этих словах присутствовал хоть грань правды, но то, что Лопата-Пожарский не применил проявить свой крутой характер, требуя себе безусловного подчинения, несомненно.

К счастью, самарским служилым людям не пришлось встретиться с войском Заруцкого. Известие о вооруженном восстании в Астрахани против сторонников Заруцкого дошло до Одоевского и Головина, когда они в середине мая вместе с основными силами своей армии находились поблизости от Самары. В городке закипела бурная деятельность. Вниз по Волге от Самарского срочно послали шесть стрелецких приказов - около трех тысяч человек. Были отправлены "памяти" стрельцам, астраханцам, на Дон и Яик, ногаям. В этих бумагах призывалось не пускать в свои владения Заруцкого и объединяться для борьбы с ним. Вскоре воеводы получили новые известия: Иван Заруцкий с Мариной Минишек, "воренком" и немногочисленными сторонниками принужден бежать из мятежной Астрахани на Яик.

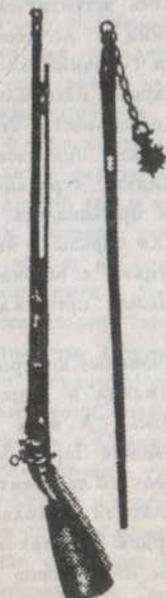
С этого времени отважный авантюрист полностью утрачивает контроль над событиями и становится игрушкой в руках волжских и яицких казаков. В документах со слов разведчиков сообщалось: "А всем де владеют казаки атаман Треня Ус с товарищами, а Ивашке Заруцкому и Маринке ни в чем воли нет..." ⁹ Финал авантюры Заруцкого становится делом считаных недель. Для его поимки срочно посылаются несколько стрелецких приказов, в том числе из Самары отряд Гордея Пальчикова, и 25 июня 1614 года, окруженные в острожке на одном из островов на Яике - Медвежьем, казаки выдали Заруцкого, Минишек и "воренка" стрелецким головам ¹⁰.

С долгожданной вестью о поимке "воров" в Москву срочно отправили станицу во главе с Г.Пальчиковым и С.Аначиным, а через несколько дней, 13 июля, под конвоем более чем в 800 человек, включая сотню самарских стрельцов, "воров" этапировали в Москву. Так Заруцкий побывал в Самаре и Казани, куда он грозился прийти весной, но в жалком качестве пленника.

Интересно, что Самара для Заруцкого в какой-то мере мигнула последней путевой звездой. Незадолго до пленения на Медвежьем острове он послал верных ему казаков именно в Самарскую крепость выяснить, имеет ли смысл перейти с Яика на Самарские *вершины* и уже оттуда рекой Самарой на Волгу.

Удалось ли встретиться пленному Заруцкому со своим заклятым врагом Лопатой-Пожарским в Самарском городе, неизвестно. По крайней мере, 13 июля, когда Заруцкого повезли по этапу, в Самаре уже воеводили князь Туренин и Белосельский.

Непокорившийся атаман Треня Ус со своими сторонниками собирался на Волгу погромить, "поворовать", а затем выйти к Самарской крепости.

Но воровские намерения "последних из могикан" не представляли уже серьезной опасности для новых воевод: вскоре эти казачьи отряды были разбиты. На Волге наступают более спокойные времена. Самара и другие городки, отходя от угара Смутного времени, постепенно возвращаются к мирной размеренной жизни.

Хлеб вам, соль, разинские работнички

Ушло в прошлое Смутное время, Россия стала забывать распри да кровавые восстания, террор *опричников* и бесчинства интервентов. Но затишье оказалось временным. Налогами да податями обложили со всех сторон крестьян и посадских людей, навечно прикрепили к земле, закрепили - ни охнуть не вздохнуть. Но и терпение народное не вечно. Во вновь вспыхнувших отчаянных бунтах и восстаниях середины - второй половины 1600-х годов пытался народ выразить свой протест.

Государство шло от одного кризиса к другому. До самого основания потряс Москву соляной бунт,

когда сам молодой царь Алексей Михайлович едва смог слезно умолить разгневанную толпу отпустить, пожалеть своего любимца, главу тогдашнего правительства боярина Б.И.Морозова. Наступил церковный раскол, и по всей стране запылали костры, на которых жгли себя люди, не желавшие ни на пядь отступить от старины. Началось повальное бегство от непосильной эксплуатации помещиков - уходы в Сибирь, на Волгу, на Дон, в южные степные городки. Рыскавшие повсюду сыщики воротили назад тысячи беглецов, а в ответ на это уходили десятки и сотни тысяч. Окраины страны наполнились горючим материалом - клички клич, поднеси спичку - вокруг Москвы взвоет пламя великого пожара...

Во второй половине 1660-х годов до центрального правительства стали доходить смутные известия о беспорядках на Дону, о том, что вокруг некоего Стеньки Разина, потомственного местного казака, начала собираться гольтьба. Но ушел Разин со своей ватагой через Волгу в Персию, и вроде бы все успокоилось. Подобные казачьи "экспедиции", правда несколько меньшего масштаба, были обычным делом и не

слишком беспокоили приказных людей. Москва ограничилась тем, что разослала грамоты воеводам низовских городков с предупреждением стеречься и сообщать, ежели что, сведения о ненадежном атамане.

Жизнь в Самаре, как и в других волжских городках, текла обычным чередом. Прежнего воеводу князя Алексея Щербатова, правившего с осени 1668 года, перевели на повышение в Казань, а на его место 6 сентября 1669 года определили стольника Ивана Алфимова, ранее воеводствовавшего в одном из низовских городов. Немногим позже сменился городничий: им стал самарский дворянин Борис Федорович Порецкий. Бориса, или, как еще называют в источниках, Бажена Порецкого летом 1670 года сменил Петр Щеглов. Церковные службы по твердо заведенному расписанию исполнялись под зорким оком протопопа соборной церкви Григория Никифорова.

Стены городка-крепости обветшали, вооружение находилось в плачевном состоянии, негусто было и с боеприпасами. Правда, и этого, к счастью, хватало. Редкие набеги калмыков и башкир отбивались самарцами довольно успешно, а нового серьезного врага не предвиделось. Об одном из таких малозначительных эпизодов окраинной жизни сообщал в Москву воевода Иван Алфимов: в конце мая 1670 года приходили под вечер к Самаре "многие воинские люди калмыки и изменники башкирцы изгоном и под городом на степи дальние надолбы разломали и многими людьми приехав в надолбы и у города под Вознесенскою слободою лошади и животинные стада отогнали да в полон взяли два человек пастухов и отгнав те стада в дальних надолбах сожгли две башни и стали в степи от города версты по три и, по четыре..."¹ Не все ясно в этой отписке И.Алфимова, и прежде всего, почему воевода не смог организовать преследование кочевников? Но еще раньше, зимой того же года, куда как тревожные вести поползли по низовским городам: не распустил Разин по домам после удачного персидского похода свою ватагу, как это делали другие атаманы, - копил силы, набирал гольтьбу, расплывшуюся в казачьих станицах. Тянулись лихие да гнетомые жизнью к удалому атаману, и скоро весь Дон оказался в его руках. Донские беглецы и царские лазутчики несли тревогу: дескать, собирается Разин на Москву, на бояр-изменников подбив народ. С волнением ждали

начальные люди поволжских городов, каким же путем двинется Разин - коротким, через южную *Белгородскую черту*, или дальним, кружным, по Волге?

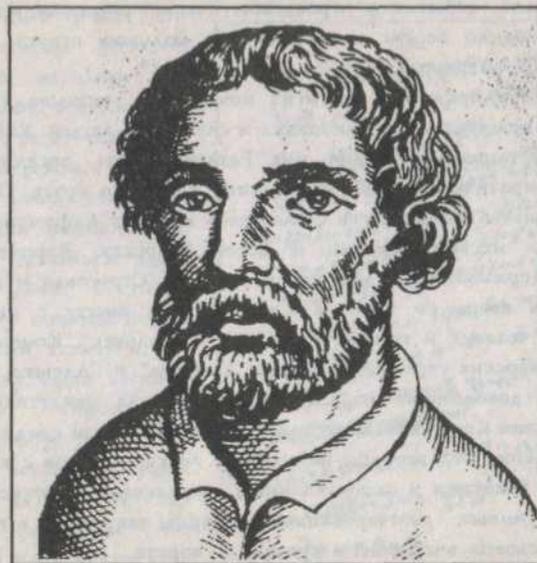
Самарским служилым людям пришлось впервые столкнуться с разинскими казаками еще до того, как они появились под городком. В декабре 1669 года самарский дворянин Аникей Хомутский был послан саранским воеводой сопровождать "Стенькиных товарищей", возвращавшихся из Москвы на Дон. Он же оказался одним из первых, претерпевших от разинцев. Как только миновали Пензу, казаки "учинились сильны", избили и ограбили Хомутского ².

Чтобы остановить Разина, под Казанью и Саранском срочно снаряжаются две правительственные армии под командованием воевод П.С.Урусова и Ю.Н.Барятинского. Задача армий - спуститься на стругах вниз по Волге и создать заслон повстанцам за пределами густонаселенных районов Среднего Поволжья. Однако воеводы непрестительно медлят, служилые люди не хотят воевать. Тогда решили хоть как-то задержать разинцев под Саратовом: в городок направили три сотни казанских и две самарских стрельцов. Но и это не помогло: казанцы и самарцы остались безучастными наблюдателями восстания саратовцев против своего воеводы и начальных людей, а как только разинские отряды подошли к Саратову, то частью перешли на их сторону, в основном же вернулись в Самару и Казань. 15 августа 1670 года пал Саратов. Наступила очередь Самары.

Почему же так легко, один за другим, по существу без сопротивления, сдавались на милость повстанцам поволжские города от Царицына и Черного Яра до Самары? Да потому, что подавляющее большинство посадских жителей и рядовых служилых людей в них либо поддерживали цели и задачи восставших - против бояр и воевод, тяжелых налогов и крепостного права, за доброго царя и местное самоуправление, либо занимали выжидательную позицию: чья возьмет? Активное противодействие оказывала только верхушка начальных людей во главе с воеводой. Но что это за сила? Вокруг низовских городков, как уже говорилось, почти не было сел и деревень, дворянских владений, поэтому и самих дворян и детей боярских насчитывалось максимум полтора-два десятка. Вот и получался "маятник": когда успехи разинцев были очевидны, в городках брала верх беднейшая часть населения при благожелательном нейтралитете большинства. Если ситуация изменялась в пользу царских войск, то инициативу брали в свои руки более зажиточные слои жителей и гарнизона, города мгновенно переходили на сторону государевых воевод. Пример Самары хорошо доказывает этот общий принцип.

Еще до подхода отрядов Разина к Самаре местный воевода Алфимов с начальными людьми оказался как бы в вакууме. Стрельцы и казаки

Степан Разин

вроде подчинялись воле начальства, готовились к обороне, однако исполняли все указания так, что становилось очевидно: их послушание ненадежно и ненадолго. Не только рядовые служилые и посадские люди участвовали в заговоре, но и многие пятидесятники и даже сотни стрельцких сотен. Самарское восстание возглавили несколько человек, причем выделялся "Игошка Говорухин": "...всякое бунтовство от них, воров (яицких и донских казаков - Э.Д.), да от самаренина Игошки Говорухина" ³. Семья Говорухиных издавна жила в Самаре. В переписной книге 1646 года среди посадских жителей городка указывалось: "Во дворе Микитка Степанов сын прозвищем Говорухин и у него три сына - Пронка, Игошка, Ивашко" ⁴. К началу Крестьянской войны "Игошка" имел семью, жену "Грунку" и дочь...

Весть о триумфальном шествии армий Разина обгоняла медлительные струги. Радикально настроенные городские низы поднимали восстания прежде, чем под крепостями появлялись разинцы. Так случилось и в Самаре. Воевода с немногими начальными людьми пытался защищаться до конца, но силы оказались слишком неравны. Алфимова и наиболее ярых его приверженцев посадили в тюрьму. А уж когда Степан Разин появился под Самарой, жители настежь открыли ему ворота крепости. Даже для идавших виды самарцев зрелище появившейся на волжских

просторах огромной эскадры оказалось впечатляющим. Струги, снаряженные за деньги, добытые в персидском походе, сверкали всеми цветами радуги. Особенно богато выглядели два больших струга, на которых якобы везли патриарха Никона и царевича ⁵.

Размах предпринятия, лозунги повстанцев оказывали чарующее, магическое воздействие на посадских и служилых людей. Как и повсюду, в Самаре установилась новая, под Разина, власть, организованная на самых демократических началах, по типу казачьего круга. По-видимому, первым деянием новой власти стала казнь воеводы Алфимова и наиболее ненавистных местных дворян и детей боярских. Впрочем, разинцы недолго задерживались в маленьком городке. Струговая и конная рати устремились вверх по Волге к Симбирску, а вместе с ними "...было самарян 50 человек и конных стрельцов 40 человек". Командовали ими сотники самарских стрельцов "Мишка Хомутов" и "Алешка Торшилов"⁶.

Новости, доходившие из Симбирска, сначала свидетельствовали в пользу атамана Крестьянской войны. Поэтому как гром среди ясного неба стало появление под городом нескольких легких стругов с израненными разинскими казаками и окровавленным, хромающим Степаном Тимофеичем. Перепуганные, разочарованные самарцы закрылись в городе, даже не путив своего вчерашнего кумира в ворота.

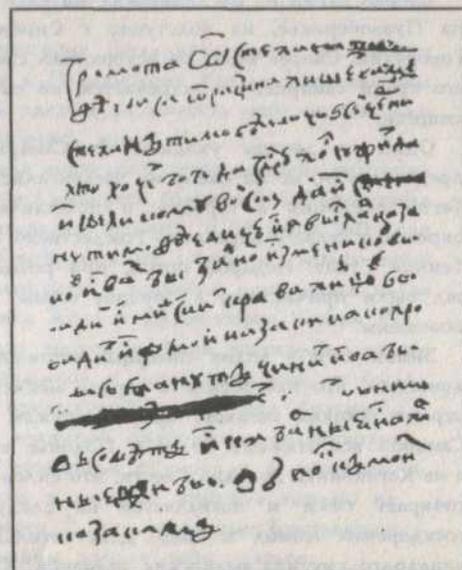
По словам одного из очевидцев, Разин пытался объяснить причину неудач тем, что у него "пушки не стали стрелять", но этот довод не убедил перепуганных горожан. Им мнилось, что вот-вот из-за излучины Волги появятся флотилии царских воевод. Встретив всеобщую настороженность и недоверие, разинцы пограбили посад, разорили кабак, забрав вино, и ушли вниз по Волге к Сосновому острову. В Самаре остались работные люди, бывшие гребцами на стругах, кое-кто из уцелевших после осады Симбирска самарцев, но вместо них к казакам присоединились десятки местных жителей.

Шли дни, все Среднее Поволжье оказалось охвачено пламенем крестьянских восстаний, а меж тем в Самару стекались казачьи отряды, откликнувшиеся на призыв "преlestных" писем мятежного атамана ⁷. Городок по воле судьбы оказался относительно безопасным местом, куда собирались полуразбитые под Симбирском отряды повстанцев, гонцы с Белгородской черты, где воевали Фрол Тимофеевич Разин, младший брат Степана, и названный брат Леско Черкашенин (Алексей Григорьев), ватаги яицких казаков. Вновь умеренной части горожан пришлось смириться, скрывать свое недовольство смутьянами и страх перед грядущим наказанием от государя. В городке всю распоряжались Игошка Говорухин и Мишка Нелосный - местные жители, атаман яицких казаков Ромашка Тимофеев, но главным образом - Леско Черкашенин. Его отряд, действовавший на Слободской Украине ⁸, в ожесточенном сражении с

царскими войсками оказался разбит, в плен попал его сын, но самому Леско с несколькими верными казаками удалось ускользнуть. Не зная, что Разин отброшен под Симбирском, Леско спешил к нему, степью с Правобережья поднялся до Самары и оставался здесь несколько дней, а то и недель. Его с почетом избрали городским атаманом, но Черкашенину было тесно в маленьком городишке. Вероятно, вскоре после того как Волга встала, он ушел к Разину на Дон. Степан Тимофеич назначил его воеводой в Кагальнике, своей донской столице, доверил ему попечение своей семьи,

и Леско до конца остался верным другом своего названного брата. Не один Черкашенин чувствовал себя неуютно в Самарском городке. Недолго пробыл здесь и атаман Ромашка Тимофеев, о котором известно не много: возглавлял один из отрядов, штурмовавших Симбирск, после поражения основных сил вместе со своими казаками отошел вниз по Волге в Наденинское Усолье - монастырское владение на северо-западе Самарской Луки, где в 1600-х годах действовали крупные соляные промыслы. Наверное, он пытался догнать струги Разина, перехватить их в Самаре, но опоздал на несколько дней. В это время в городке начали скапливаться новые силы повстанцев. Город подчинился разинскому атаману, слабдил его продовольствием, пушками и "зельем". К Ромашке пристали многие самарские жители. В погожие дни второй половины октября отряд Тимофеева в 500 человек (по другим сведениям, не менее 700) ушел вверх по Волге в Симбирский край, в гущу разворачивающихся там событий. 20 октября у засечной черты при Урене, одной из крепостей Симбирской укрепленной линии ⁹, повстанцы, а их к тому времени собралось до восьми тысяч человек, потерпели окончательное поражение. Память о "Ромашке" долго жила в народной памяти. Межевщики, осматривавшие и описывавшие земли самарского Правобережья в конце XVII века, упоминали, со слов жителей, о дороге "проклятого вора

"Прелестная грамота" Разина

Ромашки" 10.

Собрал отряд из 150 самарских жителей громить Белый Яр - крепость на Правобережье, на подступах к Симбирску - и "пуций заводчик" Говорухин. Скорее всего, он осуществил свое намерение, ибо позднее имя его среди самарцев не встречается, не смогли найти его и государевы сыщики.

Один за другим уходили из Самары наиболее предприимчивые предводители, но на смену им выдвигались все новые и новые атаманы. Тесно оказалось в городке, и повстанческие отряды размещались в окрестных селах и деревнях - Рождествено, Выползово, Усолье, Жигулевке, Теплому Стане. Недаром потом, при розыске, многие из крестьян этих сел были причислены к "пуцим вора" и сосланы на север, а то и повешены.

Зимой 1670/71 годов самарцы, оставшиеся верными старой власти, доносили, что настроение в городе меняется, но атаманы, опираясь на отряды яицких казаков, прочно держат власть в своих руках 11. За Самарой вся Нижняя Волга и Подонье находились в руках разинцев, а из Кагальника доходили вести, что силен и здоров Степан Тимофеевич, собирает силы и похваляется на следующее лето вновь идти на государевых воевод и бояр. Действительно, неудача под Симбирском ненадолго смутила разинских атаманов. Казачество никогда не боялось поражений и временных неудач: на отходах, маневрах, хитрости строилась вся тактика походной жизни этого беспокойного сословия.

Меж тем правительство попыталось склонить мятежные города к повиновению. В начале декабря 1670 года в Самару симбирские посадские люди М.Левонтьев и Ф.Чебоксаренин повезли царскую увещательную грамоту. В городке в это время верховодили Леско Черкашенин и Говорухин, поэтому о каких-либо переговорах не могло быть и речи. Посланников схватили, посадили в тюрьму "за крепкими караулы скованных". Неоднократно их приводили на круг, грозились убить, и как они сами сообщали потом, "к воде их казнить приводили по многое время" 12. Только после ухода из Самары Говорухина и Черкашенина несчастных пленников отпустили.

Долгую зиму и весну 1671 года сохранялось шаткое равновесие между двумя враждебными лагерями. Все это время самарцы посылали доверенных людей на Дон, узнать, как там Разин. Что происходило в Самаре в это время, неизвестно, но город оставался в оппозиции Симбирску и Москве.

Разин уже был схвачен и отвезен к Москве в начале лета 1671 г., когда вторую и последнюю попытку завладеть Симбирском предпринял Федор Шелудяк. Когда его струги подошли к Самаре, присоединился отряд в 1000 пехих и конных людей во главе с атаманом "Ывашкой

Костентинovým" 13. Откуда пришли эти повстанцы в крепость, как долго в ней находились, документы умалчивают. Приняли участие в походе и самарцы.

Но - вновь неудача. После разгрома Шелудяка почти две тысячи человек из его войска отступили к Надеинскому Усолью. Постояв там некоторое время и не решившись сдаться на милость победителей, они отошли к Самаре, а затем "разбрелись врозь" 14.

Неудача реванша деморализовала последних сочувствующих разинцам горожан. По указанию стоявшего в Симбирске боярина П.В.Шереметьева самарцам вновь послали увещательную грамоту, и 29 июня 1671 года город принес повинную. Десять выборных из лучших и средних людей повезли к царскому воеводе челобитную с просьбой помиловать их за все вины. Еще раньше повинились жители Надеинского Усолия 15.

Так завершилась почти годовая эпопея вольной жизни Самарского города. Во время розыска зачинщиков и пособников уже не было таких кровавых расправ, как предыдущей осенью под Арзамасом, Алатырем, Симбирском. Накал взаимной ожесточенности несколько поутих. И все же казнь через повешенье применяли к самарцам и

жителям уезда, многих сослали в далекие северные города, на Двину, в Пустозерск. Только через 15 лет сосланные бунтовщики -

герои Крестьянской войны начали возвращаться на родину. Время залечило раны, им простили вину и восстановили в прошлом звании.

СЛОВАРИК

Аманат - заложник
Амбар зеленый - амбар для хранения пороха
Армяк - однобортная мужская верхняя одежда в виде халата
Белгородская черта - линия укреплений - острожков, валов и крепостей, построенная на границе с Диким полем и протянувшаяся почти на 800 км
Береговые полки - полки, стоявшие по берегу Оки (так называемому Берегу) и защищавшие южные границы Московского государства от набегов кочевников
Бить челом - просить о чем-либо, кланяться; *производное* - челобитье
Бондарь - мастер по изготовлению бондарной посуды: бочек, кадей, ведер, жбанов, шаск, доханей и т.п.
Боярский приговор - решение, принятое на заседании Боярской Думы
Вершины - верховья реки
Волок, переволока - место наибольшего сближения двух рек, где обычно перетаскивают посуху суда из одной реки в другую
Вор - разбойник, мятежник, изменник, вообще человек, выступивший против власти; *производное* - воровство
Вотчина - родовое имение
Выбойка - ткань с напечатанными на ней узорами
Голова - 1. начальник воинского отряда, начальник вообще
2. выборный человек, отвечавший за государственное доходное место: кабак, кружечный двор, таможду и т.д.
Горододелщик - средневековый мастер, руководитель строительства городков, крепостей, укреплений
Государевы размерные книги - местные "городские" книги, в которых строго фиксировалось распределение дворовых участков посадских людей
Гость - представитель высшего слоя русского средневекового купечества
Грамота - в XVI-XVII вв. документ, исходящий от центральной власти
Гулящие люди - люди, не имевшие постоянного места жительства, постоянных заработков, не несшие государственных повинностей; вольные
Десятский, десятицкий - низшая выборная должность в городском или крестьянском самоуправлении
Дети боярские - низший разряд служилого дворянства
Детинец (кремль, город, замок) - внутренняя крепость в средневековом городе
Дикое поле - степные пространства Восточной Европы, находившиеся под контролем кочевников
Двор осадный - двор, хорошо укрепленный от неприятеля
Животы - имущество
Зелье - порох
Засека, засечная линия - оборонительное укрепление из поваленных деревьев
Зимник - зимний санный путь
Изда съезжая, изба приказная - канцелярия воеводы в городе
Иконник - иконописец, художник
Иноземцы - в тексте: жители Литовского государства или Речи Посполитой, как правило, русского, украинского, белорусского происхождения, принятые на службу Московским государем
Камышник - обычно охотник, промышлявший в камышах, или изготовитель изделий из камыша, ремесленник
Киндяк - название бумажной набойчатой ткани
Кипчаки-половцы - кочевой народ тюркского происхождения, появившийся в южнорусских степях в середине X века; позднее - основное население Золотой Орды
Коломенка - тип речного судна

Корпорация гостей - организация наиболее привилегированных торгово-промышленных людей России
Кружечный двор - питейный дом, кабак
Летовать - проводить лето в какой-либо местности; *производное* - летник
Литва - см. Иноземцы
Люди лучшие и средние - наиболее зажиточная и сравнительно обеспеченная часть посадского населения
Монастырь домовый патриарший - монастырь, находившийся непосредственно в ведении патриарха
Надолбы - обрубки бревен, вкопанные в землю наклонно к противнику, как правило, использовались в качестве передовой линии укреплений
Наказ - приказание, инструкция
Насад - большое речное судно с наращенными бортами
Недоимки - долги, накопленные по государственным податям, налогам
Новик - недавно призванный на военную службу молодой дворянин
Окладная роспись - список с фиксированными размерами сбора денег или выплат жалованья
Окольничий - придворный чин на ступеньку ниже боярина
Опричнина - политика, проводимая Иваном Грозным в 1565-72 гг., в основе которой лежал неограниченный произвол, с целью ликвидации остатков феодальной раздробленности и установления режима абсолютной власти
Острог - 1. частокол
2. укрепленное поселение, небольшая крепость (острожек)
3. тюрьма
Откуп - право на сбор казенных доходов откупщиком, полученное после внесения им в казну определенной суммы денег
Отписка - письменное сообщение должностного лица начальству
Паузон - тип речного судна (см. рис. на стр. 47)
Перелаз - переправа вброд через реку, место, пригодное или специально приспособленное для такой переправы
Плавная рать - крупное воинское подразделение, передвигавшееся на судах
Повалаша - летнее жилье без печи в виде особого сруба, поставленного на подклети (см. Подклетник) или на ином срубе
Подворье - двор
Подводная повинность - обязанность населения перевозить государственную поклажу на своих подводах
Подклетник - дворовый человек, обслуживавший подклет - помещение первого этажа, имевшее подсобное, служебное значение, как правило, использовавшееся в качестве склада
Подъячий - помощник дьяка, делопроизводитель в приказах и съезжих избах; подъячий площадной - подъячий, принимавший заказы от жителей на городской площади
Посад, посадские люди - торгово-ремесленная часть города
Посылка - поручение, связанное с длительной поездкой
Правек - сечение прутьями по ногам, употреблялось обычно за неуплату государственных податей, налогов
Придел - часть храма, посвященная какому-либо святому или канонизированному церковью событию
Приказ - 1. центральное государственное административное учреждение
2. стрелецкий отряд численностью 500 воинов
Примет - то, что мечут, забрасывают
Пустынный - отшельник, посвятивший жизнь служению богу
Пятна - административно-территориальная единица на северо-западе России наподобие района
Работные люди - работники по найму
Раскат - башня с плоской площадкой наверху для установки пушек

Речь Посполитая - государство, возникшее в XVI веке в результате объединения Польши и Великого Литовского княжества

Рухлядь - движимое имущество, пожитки

Рушница - ручное огнестрельное оружие

Скопом и заговором - т.е. собравшись большой толпой по предварительномуговору между собой, для бунта

Серебряники - мастера по обработке серебра

Солодоники, солодовники - мастера по изготовлению солода, который "растился" из зерна и служил для изготовления напитков и специй

Служилые люди "по прибору" - категория служилых военных людей, основным источником формирования которой было посадское население, государственные крестьяне

Служилые люди "по отечеству" - категория служилых военных людей из дворянского сословия

Соромотить - позорить, насиловать

Сотня гостиная - организация богатых торговых людей Москвы

Сотня суконная - организация московских торговых людей с меньшими торговыми и промысловыми оборотами, чем в Сотне гостиная

Сотник - командир отряда численностью 100 воинов

Сотский, "соцкий" - выборная должность в сельской или посадской общине

Сруб - бревенчатое строение без пола, наката и крыши; четыре деревянных стены

Станица - небольшой отряд служилых людей, выполнявший какое-либо поручение; казачий отряд, казачье поселение

Старица - монахиня

Староста, земской староста - главная выборная должность в сельской или посадской общине

Стольник - придворный чин, дававшийся представителям знатных родов в начале службы, а дворянам за особые заслуги

Сторожи - передовые отряды; разведка

Стрельцы - постоянное войско, пехота, а позже и конница

Струги - тип речного судна (см. рис. на стр. 47)

Тягло посадское - государственные повинности, которыми были обложены посадские люди

Урочище - местность, отличающаяся по природным условиям от окрестных территорий

Учуг, "учюг" - способ рыбной ловли с помощью сплошного частоккола, перегораживающего реку

Фискальные описания населения - перепись налогоплательщиков

Целовальник - выборное должностное лицо, сборщик податей, продавец казенного вина - приведенный к присяге целованием креста

Цесарский посол - представитель Священной Римской империи - локсутного средневекового государства центральной части Европы

Чайка - тип речного судна

Челобитье - устная или письменная просьба (см. бить челом)

Четверть, четь - мера сыпучих тел, вмещавшая от 4 до 8 пудов зерна, или мера площади, равная 0,5 гектара

Шерть - присяга мусульман на коране, язычников по своему обычаю

Шляхта - польское дворянство

ПРИМЕЧАНИЯ

САМАРА ЗАЧИНАЕТСЯ О воеводе Григории Засекине...

- 1 О родословном древе князей Ярославских, а затем и Засекиных см.: Родословная книга князей и дворян российских. М., 1787. Ч. 1-2; Долгорукий Петр (князь) Российский родословный сборник, издаваемый князем Петром Долгоруковым. СПб., 1841. Кн. 2; Экземлярский А.В. Ярославские властительные князья. Ярославль, 1887.
- 2 Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. С. 154
- 3 Новгородские писцовые книги. СПб., 1910. Т. 6. С. 522
- 4 Сигизмунд Герберштейн. Указ. соч. С. 113
- 5 О службах Григория Осифовича можно судить по Разрядным книгам, в которых погодно приводились сведения о распределении командного состава русской армии. См. напр.: Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1982. Т.III. Ч.II. и др.
- 6 В настоящее время районный центр Чувашской АССР.
- 7 По поводу даты основания Санчурской крепости (позднее Царевосанчурска, а ныне города Савчурска Кировской области) в исторической науке имеются разногласия. Например, И.П. Ермолаев (см.: Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. Казань, 1982. С. 35) считает, что крепость была основана в 1584 году. И все же основываясь на более достоверных и полных источниках, можно утверждать, что датой возникновения городка является 1585 год (Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1987, Т.III. Ч.II. С. 64).
- 8 Впоследствии, в 1589-90 гг., Григорий Осифович, руководивший строительством Царицына и Саратова, при определении места сооружения этих крепостей руководствовался прежде всего интересами их естественной защищенности, безопасности.
- 9 Алферова Г.В. Русские города XVI-XVII веков. М., 1989. С. 57-58.
- 10 ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов). Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. 1586 г. Л. 12; Д. II. 1586 г. Л. 7 и др.

Меж казачьей вольницей и ногайской ордой

- 1 Отрывок из документа, фотокопия которого любезно предоставлена автору самарским краеведом Е.Ф.Гурьяновым.
- 2 ЦГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. 1587 г. Л. 10.
- 3 ЦГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 13. 1586 г. Л. 38-38 об.
- 4 Книга Большому Чертежу. М., 1950. С. 140.
- 5 Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937. С. 167.
- 6 Несколько позднее, в последней четверти XVI века, ногайский князь Урус так объяснял ситуацию на Средней и Нижней Волге: "Чтобы турский султан на Уруса князя и на всех мурз не пенял, что училилися в воле государя московского, чья будет Астрахань, Яик и Волга, того будет и вся Ногайская Орда". (Цит. по: Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века. // Сборник научных работ Мордовского государственного педагогического института имени А.И.Полежаева. Саранск, 1949. С. 49).
- 7 ЦГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 2. Л. 230.
- 8 Например, 5 мая 1581 г. Боярская Дума в ответ на полученные известия об участии ногайских мурз в крымском походе на русские земли приняла решение "...послать наскоро на Волгу... чтобы волжские казаки над теми людьми, которые пойдут с полоном с Руси, приходили над ними промышляли". - ЦГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 58.об.-59.
- 9 Там же.
- 10 Там же. Л. 247.
- 11 Карпов А.Б. Уральцы. Уральск. 1911. С. 856.

- 12 Там же. С. 857.
 13 Там же.
 14 Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 146.

Последний атаман Ермака Тимофеича

- 1 Уже позднее, после гибели Ермака, во многих местах России - на Дону, на Янке, на Двине появились легенды, связывающие происхождение этого человека с определенными селениями, с вполне конкретным кругом людей. По одной из наиболее распространенных, но не ставшей от этого менее сказочной, версии, под прозвищем Ермак, означавшим по-татарски "таган" (котел) или "жернов", скрывался один из "строгановских" людей - Василий Аленин (см.: Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 305-306). Имя Ермак, возможно сокращенное от Ермолай, довольно часто мелькало в документах XVI столетия. Среди волжских атаманов, сподвижников Ивана Кольцо и Богдана Барбоши, встречается некий Ермак Петров, с которым, по всей видимости, можно связать единственное упоминание о разбое отряда Ермака в Среднем Поволжье, когда он в 1581 году отогнал табун лошадей у ногайского мурзы Урмагмета (См.: ЦГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. А. 110об.). И наконец, наиболее реального прототипа знаменитого предводителя можно найти в сообщении коменданта польско-литовской крепости Могилева Стравинского королю Стефану Баторию. Описывая нападение на Могилев русских войск, Стравинский сообщил получение от пленных сведения о руководителях отрядов нападавших. Среди них упоминается "Ермак Тимофеевич - атаман казачий", бывший помощником "Василия Янова - воеводы казаков доисских" (См.: Кожлович М. Дневник последнего похода С.Батория на Россию. СПб., 1867. С. 253)
- 2 Сибирские летописи. С. 315.
 3 О "Сибирском взятии" см.: Скрынников Р.Г. Указ. соч.
 4 Сибирские летописи. С. 144-146.
 5 Там же. С. 90.
 6 Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36. С. 280-381.
 7 Карпов А.Б. Указ. соч. С. 855.
 8 Слишком неблагозвучное прозвище, чтобы его привести полностью.
 9 ЦГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 13. 1586 г. А. 40.
 10 Карпов А.Б. Указ. соч. С. 895.
 11 Недаром князь Большой Ногайской Орды Урус писал в Москву: "А которые русаки нам в руки попадались, и они сказывали: мы, де, делали по государя нашему приказу, и город, де, поставили на Янке и воюем по государеву велению" (См.: ЦГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. 1585 г.).
 12 ЦГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. 1586 г. А. 82-84.
 13 Там же.

САМАРА-ГОРОДОК

На службе ратной осударевой

- 1 Лишь однажды случилось так, что воевода В.Я.Еверлаков оказался в крепости в порядке служебной дисциплины (1671-1672 гг.), да и то только потому, что назначение получил после подавления восстания Степана Разина, когда предыдущего воеводу местные жители убили. См.: Архив ЛОИИ (Ленинградского отделения Института истории). Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. А. 246.
 2 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 13. С. 699.
 3 См., напр.: Архив ЛОИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. А. 72; Д. 67. А. 370.
 4 Там же. Д. 72. А. 9.
 5 Там же. Д. 67. А. 214.

- 6 Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 год. // Чтения Общества истории древностей Российских. М., 1893. Кн. 4. С. 51-65; Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 1143; 1855. Т. 2. Стб. 88, 819, 922.
 7 Окладная расходная роспись... С. 51-65.
 8 Архив ЛОИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. А. 214.
 9 Впервые иноземцы появились в Самаре вместе с воеводой Засекиным, затем на долгое время сведения о них пропадают, и только в 1670-х годах иноземцы в числе до 70 человек вновь упоминаются среди самарского гарнизона.
 10 Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М., 1967. С. 91, 106.
 11 ЦГАДА. Ф. 396. Д. 41162.
 12 Архив ЛОИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 72. А. 15-16, 29-45.

Городская власть

- 1 Архив ЛОИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. А. 341.
 2 Там же. А. 341.
 3 Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века. // История СССР, 1986. N 3. С. 158-159.
 4 "Город довольно обширен, весь деревянный, и домишки в нем плохие... когда плывешь мимо города, видишь... множество церквей и несколько монастырей", - описывал свои впечатления Корнелий де Бруин, голландский путешественник и живописец, проплывавший мимо Самары в 1703 году. - Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. М., 1873. С. 173.
 5 Гурьянов Е. Древние веки Самары. Куйбышев, 1986. С. 73.

Промыслами и торговлишкой живучи...

- 1 Архив ЛОИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. А. 8.
 2 ЦГАДА. Ф. 396. Д. 41162. А. 29-45. Для сравнения: по тем временам на 3-4 рубля можно было купить в Самаре дом с хозяйственными постройками.
 3 Шефер А. Город Куйбышев: Очерки истории Самары-Куйбышева. Куйбышев, 1940. С. 20.
 4 Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.Я.Котова. // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. СПб., 1910. Т. XV. Кн. 4. С. 291-292.
 5 ЦГАДА. Ф. 396. Д. 41162. А. 29-45.
 6 Там же.
 7 ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10841. А. 1.

БУНТАШНЫЙ ВЕК Смутное времечко

- 1 Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 14. С. 71.
 2 Там же.
 3 Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. / Под ред. Н.И.Веселовского. СПб., 1892. Т. 2. С. 229.
 4 Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613-1621 гг. М., 1987. С. 32.
 5 Там же. С. 31.
 6 Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. С. 411-413.
 7 Там же. С. 414-415, 419.
 8 Архив ЛОИИ. Ф. 178. Оп. 1. Ч. 1. Д. 109.
 9 Акты исторические. С. 26.
 10 Там же. С. 32-33.

Хлеб вам, соль, разинские работнички

- 1 ЦГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1530. Л. 7.
- 2 С дворянином, по всей видимости, разинцы обошлись довольно "гуманно", так как уже через два месяца после свершившегося он заступил на новую службу, на этот раз под Самарским городком на Волге руководить заставой. См.: Архив ЛОИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 473; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1957. Т. II. Ч. 1. С. 463.
- 3 Крестьянская война... Т. 2. Ч. 1. С. 535.
- 4 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 5.
- 5 Все крестьянские войны проходили под царистскими лозунгами, с верой в доброго государя-батюшку. Поэтому-то так велико было на Руси число самозванцев, скрывавшихся под именами "невинно убиенных" Дмитрия Ивановича, Петра III или умерших своей смертью, но при неясных обстоятельствах, "царевича Алексея Алексеевича" и других. В этой же категории лиц в глазах Степана Разина и его окружения оказался и опальный патриарх Никон, стоявший в иерархическом ряду едва ли не наравне с законным царем Алексеем Михайловичем, а затем оказавшийся в далеком монастыре. Поэтому-то среди стругов повстанческой флотилии оказались два особо нарядных, в которых якобы находились Никон и царевич. См.: Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 55-57.
- 6 Крестьянская война... М., 1962. Т. 3. С. 534.
- 7 Крестьянская война... М., 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 535. "Прелестные письма" - воззвания, писавшиеся в войске Степана Разина и призывавшие население присоединиться к повстанцам.
- 8 Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Указ. соч. С. 206-212.
- 9 Крестьянская война... М., 1954. Т. 1. С. 184-189, 351.
- 10 ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Кн. 159. Л. 107.
- 11 Крестьянская война... М., 1962. Т. 3. С. 533-534.
- 12 Крестьянская война... М., 1962. Т. 3. С. 533; М. 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 535.
- 13 Крестьянская война... М., 1962. Т. 3. С. 110-111.
- 14 Там же. С. 118.
- 15 Там же. С. 118-119.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив Ленинградского отделения Института истории СССР (Архив ЛОИИ). Фонд А.А.Гераклитова (38).
Центральный Государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА). Фонды 127 (Ногайские дела), 396 (Архив Оружейной Палаты), 281 (Грамоты Коллегии Экономии), 1167, 1209 (Поместный приказ).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Акты исторические. СПб. 1841. Т. 3.
Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М. 1937.
Герберштейн С. Записки о Московии. М. 1988.
Книга Большому Чертежу. М.; Л. 1950.
Коялович М. Дневник последнего похода С.Батория на Россию. СПб. 1867.
Книги разрядные. СПб. 1853. Т. 1; 1855. Т. 2.
Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М. 1954 - 1962. Т. 1 - 3.
Новгородские писцовые книги. СПб. 1910. Т. 6.
Полное собрание русских летописей. М. 1965. Т. 14; 1987. Т. 36.
Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. / Под ред. Н.И.Веселовского. СПб. 1892.
Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. М. 1873.
Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.Я.Котова. // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. СПб., 1910. Т. XV. Кн. 4.
Сибирские летописи. СПб. 1907.
Разрядная книга 1475-1605 гг. М. 1982. Т. 2; 1987. Т. 3. Ч. 2.
Родословная книга князей и дворян российских. М. 1787. Ч. 1-2.
Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 год // Чтения Общества истории древностей Российских. М., 1893. Кн. 4.

ЛИТЕРАТУРА

- Алферова Г.В. Русские города XVI-XVII веков. М. 1989.
Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613-1621 гг. М. 1987.
Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века. // История СССР. 1986. N 3.
Гурьянов Е.Ф. Древние веки Самары. Куйбышев. 1986.
Долгорукий Петр (князь). Российский родословный сборник, издаваемый Петром Долгоруковым. СПб. 1841. Кн. 2.
Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. Казань. 1982.
Карпов А.Б. Уральцы. Уральск. 1911.
Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М. 1967.

Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века. // Сборник научных работ Мордовского государственного пед. института им. А.И.Полежаева. Саранск. 1949.

Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск. 1986.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1960. Т. 13.

Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М. 1988.

Шефер А. Город Куйбышев: Очерки истории Самары-Куйбышева. Куйбышев. 1940.

Экземлярский А.В. Ярославские властительные князья. Ярославль. 1887.

Уважаемые читатели!

Издательский центр "АртМакет" готовит к выпуску следующие книги краеведческой серии "Люди Самарского края":

Купец Данила Рукавкин

"Графство" Орловых

Следите за рекламой в самарской прессе. Возможны изменения и дополнения. Предложения по оптовому приобретению тиража (не менее 100 экз.) направлять по адресу: 443071 Самара, а/я 12165 с пометкой на конверте "Люди Самарского края".

Редакция краеведческой серии ждет предложений от авторов независимо от степеней, званий, членства и должности. Главное требование - оригинальная рукопись на тему "Люди Самарского края" объемом 2 авторских листа (ок. 50 машинописных страниц при двойном интервале), редкий иллюстративный материал.

ЕВГЕНИЙ ЧИРИКОВЪ.

ВОЛЖСКІЯ СКАЗКИ.

Издательский центр "АртМакет" готовит к выходу в свет книгу "Волжские сказки" (1916) запрещенного в советское время известного русского писателя Евгения Чирикова. Увлекательные легенды и сказания, народные поверья волжан иллюстрированы старинными открытками Волги, фотографиями, дореволюционными географическими картами - от Твери до Астрахани. В конце книги дается краткий комментарий. Объем около 20 печ. листов, твердая обложка, формат 84X108/32. Ориентировочная цена 10 руб.

По вопросам приобретения книги обращаться по адресу: 443071 Самара а/я 12165, тел. 33-92-77. Оптовым покупателям тиража (с 250 экз.) предоставляется скидка 15 процентов.

